

The background is a complex, abstract composition. It features a dense field of small, semi-transparent yellow and orange squares and circles, some of which are slightly offset from each other, creating a sense of depth and movement. The overall color palette is warm, ranging from bright yellow to deep orange and dark brown. The shapes are scattered across the frame, with a higher concentration of larger squares on the left side and smaller circles and squares on the right. The lighting appears to come from the left, casting soft shadows and highlighting the edges of the shapes.

Александр Комаров

Игра и Мир

Александр Комаров

Игра и Мир

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Комаров А. В.

Игра и Мир / А. В. Комаров — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Прямо сейчас среди нас живут люди, способные перемещаться между мирами видеоигр. Их цели разнятся - от исследований в интересах науки до попыток извлечь личную выгоду, даже если это угрожает существованию человечества. Меня зовут Евгений. Я - доктор физико-математических наук. И я расскажу вам, как впервые столкнулся с этими феноменальными возможностями, как обрел власть над киберпространством и стал участником крупнейшего происшествия в виртуальном мире, а главное, расскажу про свою новую таинственную и странную соседку Юлю и ее роль в происходящем.

Содержание

Глава 1. Прелюд	6
Глава 2. Петя и волк	12
Глава 3. Совы – это не то, чем они кажутся...	19
Глава 4. Интеграл хочет все знать	26
Глава 5. Шевелись, Мися!	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Что такое "две недели"? Отпуск в Турции, где все перемещения сводятся к замкнутому контуру: номер – бар – пляж – ресторан – номер? А знакомства – к семье престарелых немцев и парочке русских из Воронежа?

А еще, две недели – это целых две веселых пятницы... и столько же грустных понедельников.

Те, кто посерьезнее, за это время могут написать несколько разделов диссертации. Или парочку научных статей.

Но то, что случилось со мной, не идет с этим ни в какое сравнение.

Моя жизнь, мой мир перевернулись на четыреста пятьдесят градусов, да, да, именно так: сделал оборот вокруг своей оси и еще немного.

Мне не терпится поделиться этим хоть с кем-то... особенно, учитывая, в какой ситуации я нахожусь сейчас. От применения моих способностей и знаний во много зависит судьба привычного нам мира.

Но... всякая история должна иметь свое начало, поэтому ненадолго вернемся в тот судьбоносный весенний день, две недели назад... тогда я еще был совершенно другим человеком, правильным, интеллигентным, скучным...

Юлиана Александровна Холмогорова, воспользовавшись тем, что ее никто не видит, подошла к открытому ноутбуку, на экране черными мухами висел оставленный текст. Быстро пробежав его глазами, она подумала: «Эх, Женя, Женя, всю контору нам спалит, я ведь предупредила: задумаешь кому рассказать – хуже будет! Хотя, что-то я за него переживаю, ведь реально поймал звезду и теперь думает, что у него какие-то сверхспособности и судьба мира зависит от него... ага, насмешил. Вообще удалить эту его книгу-исповедь надо...»

Но девушка не успела – компьютера впал в спящий режим и отказался просыпаться без ввода пароля, который знал только хозяин.

Глава 1. Прелюд

– Ваши документы, пожалуйста, – остановил меня скучающий полицейский наряд.

По привычке я протянул заграничный паспорт, затем, после вопросительного взгляда сержанта, залез во внутренний карман пиджака и вытащил российский.

– У вас регистрации питерской нету, – хмуро заметил полицейский, перелистывая страницы паспорта.

– Правильно, я только что приехал. Вот, с поезда, – взглядом указал на стоящий в ногах дорожный чемодан на колесиках и сделал полуоборот, демонстрируя рюкзак за спиной.

– Ну и что?

– Меня долго не было в стране, – продолжил, стараясь сохранять спокойствие, – сейчас найду жилье и обязательно зарегистрируюсь по месту проживания. Порядок ведь такой, верно?

Полицейские переглянулись, сержанта пожал плечами и протянул мне паспорт обратно.

– Хорошего дня.

Чуть более суетливо, чем следовало бы, я спрятал документы и поспешил дальше.

Часы Финляндского вокзала показывали три часа пополудни, мне предстояло встретиться со знакомой девушкой из агентства недвижимости. Договорились посмотреть квартиру, которая понравилась по фотографиям. Как иногда бывает – стоит только подумать о человеке, он тебе и звонит.

Пока доставал телефон, краем глаза заметил, как к патрульным подошли двое в черных пальто. Махнули какими-то удостоверениями и увели из зала. Забавно: мы проверяем, нас проверяют...

– Евгений, добрый день, это Татьяна, – раздалось в трубке.

– Таня, здравствуй, зачем так официально?

С Таней мы были хорошие приятели еще по университетским временам. Но вот меня занесло в науку, а ее – в бизнес с недвижимостью.

– У меня плохие новости: тот мужик, у которого ты хотел снять квартиру, сперва куда-то пропал, а сейчас все-таки смогла до него дозвониться, и оказалось, что жилья он больше не ищет, потому что сам нежилец. Умер.

Это было действительно неприятно. Других вариантов не было. Товарищей, к которым можно было заявиться с чемоданами на ночевку, тоже. Оставалась только гостиница, ну или прямо здесь, с бомжиками на лавке пристроиться.

– Может быть, еще что-то есть из предложений? – спросил с надеждой.

– Странное дело, но сейчас с этим в Петербурге совсем плохо. Все разбирают в момент, но... – Таня замолчала, недоговорив, и продолжила через паузу уже немного ликующим тоном, – но кое-что у меня для тебя есть. Центр города, историческое здание, высокие потолки, хороший ремонт, интеллигентные соседи. Чудо, а не комната.

– Тань, подожди, какой центр? Какие потолки и ремонт? Это же очень дорого, – поспешил перебить ее, но осекся. – Ты сказала "комната"?

– Да, но...

– Я надеялся, что общежитие и коммуналки остались в моем студенческом прошлом.

– Здесь совсем другой случай! – казалось, энтузиазм Тани рос вместе с моими сомнениями. – У тебя будет замечательная соседка. Наш корпоративный клиент. Там трехкомнатная квартира на двоих.

Я молчал.

– Очень интересная девушка, – сказала Таня и, уверен, лукаво улыбнулась. – Во всех отношениях.

Последний гвоздь в крышку гроба моего сопротивления был вбит. Ну что я теряю? Риэлтерскую комиссию с меня не берут по старой дружбе, не понравится – найду себе более подходящую квартиру. Отдельную. Где-нибудь в Купчино. Да и все равно другие варианты сейчас найти будет сложно.

– Только, Женя, я сегодня не смогу тебе лично квартиру показать, тебя встретит хозяйка, Аиша Арифовна. Посмотрите с ней, пожалуйста. Записывай адрес...

Аиша Арифовна ждала меня у парадной. Я легко узнал ее: женщина приблизительно пятидесяти лет, очки, восточная внешность, эффектный полушубок, несмотря на теплый март, яркий макияж.

В общении она оказалась мягким и любезным человеком, что несколько разнилось с ее внешним обликом.

Пока мы поднимались в квартиру, она в первую очередь поинтересовалась где и кем я работаю, потом женат ли, с кем собираюсь жить, и уж только затем сроком, на который я бы хотел остановиться у нее.

Получив ответы, Аиша Арифовна улыбнулась:

– Вижу, вы порядочный человек, Евгений. Я вообще-то не рассматриваю одиноких мужчин в качестве жильцов, но Татьяна так мне вас расхваливала, и, судя по всему, не зря. Теперь, полагаю, ваша очередь задавать вопросы, – она вставила ключ в замочную скважину, провернула его несколько раз в обе стороны и, вздохнув, сказала:

– Юлия опять закрылась на щеколду.

В подтверждение этого в квартире громынуло что-то более массивное, чем щеколда. Дверь отворилась. На пороге стояла девушка примерно моего возраста – чуть за тридцать – среднего роста, черные спутавшиеся волосы спадали ниже плеч, лицо сложно было назвать выразительным, особенно сейчас, без косметики, она выглядела усталой: бледная кожа, синева под слегка покрасневшимися глазами. Только чуть длинноватый нос с горбинкой оставил тогда засечку в памяти. В остальном она показалась мне какой-то выцветшей. Я скользнул по девушке взглядом и, скорее, разочаровался в потенциальной соседке. В такие моменты всегда втайне надеешься, что жизнь уж сейчас-то случайно сведет тебя силой обстоятельств непременно с богиней. Одинокой, прекрасной, доброй, душевной и покладистой, абсолютно не ясно что забывшей в этой, по сути, коммуналке улучшенной планировки.

Но нет, чуда, как обычно, не произошло, и я тут же переключил внимание на обстановку в квартире, может быть, хоть с этим сейчас повезет.

Девушка, тем временем, кивнула Аише Арифовне, ненадолго задержала тяжелый взгляд на мне, затем отошла вглубь прихожей, освобождая проход.

Мы миновали обширную прихожую с двумя шкафами, заставленную картонными коробками.

– Евгений, не обращайте внимания, тут небольшой беспорядок, но Юлечка все уберет, – виновато заметила Аиша Арифовна и поспешила провести меня в общую гостиную, по-модному объединенную с кухней.

– Молодые люди, давайте я вас все-таки представлю друг другу, надеюсь, что вы хорошо поладите и... – хозяйка отчего-то нервничала, будто ее главной задачей было именно обеспечить персональную совместимость между жильцами.

– И будем жить долго и счастливо, – продолжила за нее Юля, без намека на улыбку. – Я – Юля.

– Евгений Ватин, – протянул руку в ответ.

– Чем занимаешься в жизни?

– Да так, ученый, можно сказать. Доктор наук.

– Доктор? – неожиданно заинтересовалась Юля. – Как Шелдон Купер или может все-таки как Джон Ватсон?

– Что? Эм... как Шелдон, – растерянно ответил я, – о чем вы вообще спрашиваете? Я настоящий доктор наук, говорю же.

– Точно, как Шелдон. Видела я его – странный тип, – сказала Юля и осеклась. – А каких наук?

– Математических, – с неясно откуда взявшейся материнской гордостью вставила Аиша Арифовна.

Я не стал поправлять, что точнее будет сказать физико-математических, но поскольку занимался я исключительно математикой и всем так и представлялся, то по сути она была права.

– Значит, не амбициозный.

– Это еще почему?

– Потому что Нобелевскую премию по математике не дают.

– Пфф, – прыснул я. – Там одна политика...

Когда я начинал заниматься наукой, то думал совсем не об этом. Просто хотел внести свой вклад, открыть что-нибудь, что послужило бы всему человечеству... И с чем я оказался сейчас? Несколько лет за границей. Ведущий ученый престижнейшего университета Европы... и чем это кончилось? Полным фиаско. Мои работы не одобрили. Выводы, сделанные за столько лет, никого не заинтересовали. Мне не продлили контракт, потому что я оказался нерентабельным. Вернули на родину. Сдали, как вторсырье. Меня! Может быть люди просто не готовы к исследованиям в области больших данных? Хм, как странно по-русски звучит термин Big Data.

Хорошо еще, что поступило это странное предложение о работе в Питере. Из переписки, правда, так толком и не понял, чем эта компания... «ОСВиЛ», кажется, предлагает заниматься. Узнаю только на собеседовании послезавтра.

– Вот и говорю, что не амбициозный. Хотя мне в принципе неясно, зачем люди в науку идут? – спросила Юля, отвернувшись к окну, и я понял, что ответа она не ждет.

Немного помолчав, она резко бросила: – Ладно, годишься, располагайся, – и, не оборачиваясь, пошла к себе в комнату, запахнув длинный, в пол, домашний халат, в который куталась все это время, хотя в квартире было тепло.

Мы переглянулись с хозяйкой. Она улыбнулась и пожала плечами.

– Юлия – очень хорошая девушка. Порядочная, тихая, чистоплотная. Гостей никаких не водит, – хозяйка посмотрела на меня со смущенной улыбкой. – Просто ее нужно узнать получше.

– Этим и займусь, – рассеяно ответил я, разглядывая обстановку.

Квартира мне понравилась, моя комната тоже. Ремонт действительно был свежий, мебель современная и не затёртая, бытовой техники хватало. Я был доволен, и мы тут же подписали необходимые бумаги.

Когда хозяйка ушла, быстро распаковал вещи: только самые нужные и те, которые могли поместиться в чемодане. При необходимости экстренно покинуть квартиру мне не потребовалось бы много времени на сборы. Самому не ясно, откуда взялась эта привычка, но новым местам я никогда не доверял.

Дальше делать было нечего. Хотелось есть или хотя бы в интернет. Хозяйка просила уточнить этот вопрос с Юлей. Действительно, подключить выгодный тариф и разделить оплату поровну казалось хорошей идеей.

Направился к Юле в комнату, но столкнулся с ней в гостиной. Она словно меня и ждала.

– Будь другом, пойдешь в магазин – купи мне молока, яиц и чечевицы. Розовую не бери, лучше зеленую – не разваривается, – сказала она своим обычным холодным и безучастным тоном, к которому я еще долго не мог привыкнуть.

– Хорошо, – согласился автоматически.

– Магазин – сразу из подъезда и направо. Выбор не самый большой, но ты освоишься.

– Юля, хотел тебя спросить, – я и не заметил, как перешагнул внутренний порог собственной вежливости, перейдя на "ты". То ли ее фамильярность помогла, а может быть, привычка "you'кать" всем подряд на английском сыграла свою роль, но я помнил, что до отъезда из России далеко не сразу позволял себе такое в общении с незнакомыми людьми. – Как тут насчет интернета?

– Иванова тебе ничего не сказала?

– Кто?

– Кто-кто... Арифовна. Аиша. Ты договор аренды подписал?

– Да.

– А фамилию ее не запомнил?

Забавное несоответствие в паспорте хозяйки бросилось в глаза, но впечатлений в этот день было так много, что тут же стерлось из памяти. Да и с другой стороны, ничего необычного. Кроме оригинальных канонических Ивановых в стране полно Ивановых-Либерманов, Ивановых-Хачатурянов и Ивановых Аиш Арифовн.

– Да, она сказала с тобой поговорить.

– Ну вот, я тебе сообщаю: пароль к вай-фаю на роутере, роутер на подоконнике, счет в начале месяца, деньги пополам. Но если будешь платить полную стоимость – не обижусь, – в первый раз Юля позволила себе слегка натянутую улыбку.

Она еще немного помолчала, выжидающе глядя на меня, а потом, словно внутренне решившись на какое-то откровение, продолжила.

– Ну а в остальном все общие помещения в твоём полном распоряжении. Тостер, чайник, плита, микроволновка, духовка, стиралка... туалет и ванная, само собой, камин. Да, у нас есть камин, правда, всего лишь электрический. Здесь в комнате телевизор общий, каналы какие-то подключены, я не смотрю, потом расскажешь. Короче, все что видишь, можешь смело брать, использовать. В пределах разумного, конечно. Вас же там в мединституте учили, что чужие зубные щетки лучше не трогать? – она снова вызывающе посмотрела на меня.

Пришлось ответить:

– Вторая шутка за минуту или у тебя плохая память? Я математик, а не дантист.

– Ладно, математик, – улыбнулась Юля уже чуть естественнее. – Ты надолго сюда?

– Пока не знаю.

– Ясно. До тебя тут не часто люди задерживались. Приезжает девочка-лимитчица, месяц-два и сваливает к хахалю. Кто их только с такой скоростью разбирает-то. Но ты вроде не очень смазливый, думаю, удержишься.

Я спал беспокойно и часто просыпался. Все было непривычно: запах, постель, угловатые очертания комнаты в падающем из окна свете фонарей. Ворочался, переворачивал подушку, открывал окно – ничего не помогало. И чем дольше это продолжалось, тем больше нервничал. Я ощущал подступающую паническую атаку, причины которой были не очевидны. Да, переезд, возвращение на родину после нескольких лет работы в Финляндии – это стресс, но не настолько же.

Не в силах унять мандраж, вышел в общую комнату-кухню. С непривычки тут же ударился в темноте о ножку стула, выругался шепотом, чтобы не разбудить соседку, и уже осторожнее, выставив руки, побрел вперед. Надо было чем-нибудь заняться, но никакого дела не находилось. В этой незнакомой квартире, незнакомом по сути городе, я тосковал и ощущал растерянность. Сам не зная, чего ищу, я огляделся: комната спала, тихо посапывая кулерами выключенной техники. Едва уловимый шелест миниатюрных лопастей шел от коробки возле

телевизора, его черную рамку легко можно было распознать на фоне белой стены даже в темноте. Коробка подмигивала мне синими огоньками. Рядом с ней таким же матовым светом горело еще одно устройство.

Немного поколебавшись, я решил включить свет. Соседская дверь была полностью деревянной и не примыкала вплотную к кухне, поэтому я не боялся разбудить девушку.

Оказалось, что к телевизору подключена игровая приставка, а рядом, присоединенный несколькими проводами, лежал предмет... ну такой... то ли шапка, то ли очки. Еще немного напрягшись, узнал в нем широко разрекламированный в последнее время шлем виртуальной реальности. Устройство в наши дни хоть и не редкое, но меня обошло стороной. Помню, лет десять назад, периодически сбегая от суровых студенческих будней, я любил поиграть. Тогда технологии, позволяющие визуально полностью погрузиться в другой мир, выглядели ну очень уж недостижимыми. И вот оно – будущее. Лежит прямо передо мной.

Не скажу, что сильно удивился наличию этого гаджета у Юли. Она не совсем подходила под определение классической девушки, хотя, безусловно, в ней присутствовали в достаточной мере и женственность, и грация, и какое-то сложноописуемое изящество, что ли. Тем более, я не знал, кем она работает, чем увлекается.

Хотя и не в моих правилах брать чужие вещи, но что-то той ночью пошло не так, как обычно. Мне показалось, что будучи ученым я имею право удовлетворить свое научное любопытство. Юля же сказала: «все что видишь, можешь использовать». Да и вообще, в охватившем меня состоянии тревоги дальше было находиться нельзя. Нужно было что-то предпринять. И я предпринял. Мне потребовалось пятнадцать минут, чтобы разобраться с проводами, шлемом, пахнущим персиковым шампунем, контроллерами и не наделать при этом шума. В результате устроился в кресле, запустил приставку, и комната перестала для меня существовать.

В списке игр значились малознакомые мне названия. С одной картинки смотрел какой-то пришелец, на другой иконке в прыжке и очень по-голливудски замер мужик, я остановился на третьей игре – длинноволосый рыцарь с мечом. «Охотник» – а что, лаконичное название. Мне казалось, я что-то слышал об этом. Запустил игру с последнего сохранения. Не собирался играть, просто было интересно, на что способна эта виртуальная реальность.

Вокруг меня вспыхнул кровавый закат, огромное небо невероятным градиентом провожало солнце. Дул сильный порывистый ветер: трава стелилась к земле, мимо меня пролетали лепестки цветов, а березы все кланялись и кланялись кому-то.

Конечно, погружение нельзя было назвать очень уж реалистичным – я различал недостаточную детализацию окружающих объектов, их угловатость, но все равно впечатляло. Некоторое время озирался по сторонам, разглядывая окружающую природу. Я стоял на дороге, вокруг редели деревья, дальше за ними с одной стороны виднелась широкая река – ее легко было заметить по ярчайшим отблескам заходящего солнца – с другой стороны поле подпирал густой лес, впереди, на пригорке, заметил деревню. Судя по змеящемуся от хат дыму, она обжитая. Люди топили печи, возможно, готовили ужин.

Не успел я задуматься, куда пойти, как взгляд зацепился за висящий в правом верхнем углу зрения обрезок карты, я быстро сообразил – он отражал текущее положение моего героя и желтым пунктиром рисовал предлагаемую траекторию движения. Под навигатором отображалась надпись: «Поговорить с охотником по имени Лариан».

Я еще немного покрутился на месте, осваиваясь с управлением, теперь у меня получалось ходить, бежать, забавно отскакивать назад и махать кулаками. Случайной кнопкой я вызвал инвентарь, но там оказалось подозрительно пусто. Вроде бы я загрузил сохраненную игру, а не начал новую. Уж в этом-то я разобраться смог по старой памяти. Значит, кто-то в нее играл. Значит, должен был нажать хоть какое-то имущество. У меня же были только занюханые **Охотничьи Штаны с Броней 4 и Эффектами: +3% сопротивление рубящим**

ударам, +4% сопротивление стихиям. Рубашка с Броней 1 и такие же бесполезные **Элегантные Тенизовские Туфли**. Последние хотя бы оправдывали свое название и смотрелись не то чтобы красиво, но затейливо. Других вещей не было: ни массивных рыцарских доспехов, в которых можно было бы ощутить себя частью исторического события; ни длинных мечей с изящными гардами, которыми это событие можно повернуть в нужную тебе сторону; ни даже завсегдаев всех ролевых игр – бутылочек с эликсирами восполнения здоровья. По правде сказать, было еще немного листьев разных растений, но это совсем не утешало: что я, козел что ли их жевать. Вдохнул: что уж тут поделаться, и в жизни, и в игре приходится мириться с ролью нищоброта.

Еще раз мельком сверившись с картой, я зашагал в сторону деревни под живописным названием Длинные Стволы. Идти было не скучно, в ушах звучала приятная музыка с нотами фольклора Восточной Европы.

Я шел быстро, наслаждаясь видами природы. Орежи графики уже не обращали на себя внимание, мозг радостно обманывался предлагаемой ему виртуальной реальностью. Тревожность словно осталась в физических границах комнаты.

Вдруг послышались голоса. Присмотревшись, заметил справа от дороги укрытых кустарниками и тенью деревьев людей. Некоторые сидели на ящиках и тюках, другие стояли или бродили рядом. Я удивился тому, что многие обнажены по пояс. Их красноватые тела были хорошо заметны среди зелени.

Не раздумывая, направился к ним. Интересно рассмотреть фигуры людей в деталях, посмотреть, как они двигаются, как взаимодействуют между собой. Может быть, удастся поговорить с ними? Вдруг у них есть какое-нибудь задание для меня. Кажется, в таких играх сюжет строится именно на получении заданий и их выполнении.

Меня заметили очень скоро.

– Ящик, холера, ты на дорогу зыркать должен или с Болтушем лясы точить?! – Раздался громкий хрипящий голос. – Вон идет какой-то бедолага, а ну его сюда!

Тут же из кустов выбежали трое молодцов, теперь я мог лучше рассмотреть их. Полуголые, лишь в рваных шортах и чепчиках, с дубинами в руках, перемазанные грязью и татуировками. Над их фигурами висели красные надписи: **«Разбойник (7)»**.

Когда они приблизились вплотную, я все еще стоял, как вкопанный. Что мне сейчас нужно делать?

– Здравствуйтесь, – сказал машинально, хотя и понимал, что вряд ли произвольная голосовая коммуникация с игровыми персонажами здесь доступна.

Разбойники остановились, немного опешив, переглянулись. Я отметил, насколько глубоко была проработана их анимация. Совсем как у реальных людей, на лицах можно прочесть живое любопытство.

– Ты откедова такой будешь? – спросил один из них.

– Я – крестьянин, – продолжил, удивляясь все сильнее. Неужели я пропустил такой скачок в развитии индустрии, что современные игры уже предоставляют такие возможности?

– Давай, тащи его к Кнуту! – скомандовал разбойник.

Двое других схватили меня за руки и мой мозг отреагировал соответствующе. Я ощутил реальное воздействие на свое тело... наивный.

Машинально дернул руками, пытаясь нажать на какую-нибудь кнопку игрового контроллера, чтобы высвободиться.

– Брыкаться вздумал, падла?! – прорычал другой и без замаха саданул меня кулаком в лицо.

Зубы тотчас заломило, картинка перед глазами вспыхнула экстремально яркими красками, и я потерял сознание.

Глава 2. Петя и волк

Я с трудом приходил в себя. Сознание кружилось в водовороте слов, образов, эмоций. Перед внутренним взором мелькнула Россия, вся целиком за раз, потом проскакал Петербург в виде Медного Всадника, затем Ариша Арифовна и Юля сидели почему-то в моей прежней квартире и пили чай перед камином, играла музыка, мне казалось, что я очень давно их знаю. Наконец, все картинки вытеснил вкус ржавого железа.

Я открыл глаза и очень долго не мог понять, где я нахожусь. Так бывает, если резко проснуться посреди очень яркого и насыщенного сна. Только все равно казалось, что я еще сплю. Почему я вижу перед собой костер, в ночи освещающий одетых в рванье полуголых разбойников? Почему я лежу в траве и не могу пошевелиться? Почему мне, в конце концов, больно? Я запаниковал. Живот потяжелел, под ложечкой засосало. Изо всех сил попытался сконцентрироваться, напрячь разум, память, логику: все, что оставалось доступно в таком состоянии. Вспомнив события этой ночи, стало ясно – я все еще нахожусь в виртуальной реальности, в игре. Но как такое возможно? И куда пропали элементы интерфейса? Где карта с навигатором, как открыть мой инвентарь? Почему я чувствую боль? Что это, галлюцинация?

Неизвестное доселе влияние новой технологии на сознание? Теоретически возможно. Ведь несмотря на прогресс цивилизации, большинство областей изучены поверхностно, лишь в допущениях принятых парадигм. В математике мы часто работаем с предположениями, которые лишь предстоит доказать. Что же, пусть будет так. Значит мне надо...

– Кнут, гляди-ка, очнулась свинья тенизовская! – прервал мои размышления сидящий на пне у костра мужчина, которого давеча называли Ящиком. Неожиданно выросший надо мной разбойник бесцеремонно схватил меня за связанные ноги и поволок поближе к огню. Сухие ветки больно царапали спину сквозь тонкую рубашку – ничего себе галлюцинация. От костра меня обдало жаром, и я понял, что успел изрядно замерзнуть за это время.

Меня усадили на землю, прислонив спиной к какому-то мешку. Шальные глаза собравшихся горели отблесками огня. Все смотрели на меня. Нависнув, заговорил Кнут – самый выделяющийся человек среди всей компании, как телосложением, так и одеждой. В отличие от других, на нем была меховая жилетка и штаны, подпоясанные веревкой с заткнутым за нее тесаком. Исчерченный татуировками и шрамами лысый череп смотрелся в свете костра, как головка спички.

– Ну, мать твою, и что же тенизовский шпик делает у нас в Нороварской долине? – гаркнул он, и сплюнул сквозь редкие зубы прямо на меня. – Война идет!

В ответ в голове крутились только очень странные ассоциации: шпик – сало – ветчина. Толком поужинать так и не удалось. Странно, как физиология напомнила о себе в такой ситуации.

Я не психиатр, и вообще не врач, поэтому наилучшего способа борьбы с прогрессирующей галлюцинацией я не знал. На ум приходило два диаметрально противоположных варианта: первый – всеми силами не поддаваться происходящему, не давать сознанию верить в реальность событий, стараться очнуться, ощутить себя настоящего; второй – подыграть, попытаться привести действие к очевидным противоречиям, абсурдности, тем самым, подав мозгу знак, что все это понарошку.

Сбоку, из темноты, мне достался сильнейший пинок в ухо. И как бы абсурдно это не выглядело, но компьютерная программа – строчки кода, последовательность логических нулей и единиц – только что, возможно, разорвала мне барабанную перепонку. Звон в голове стоял такой, что я фактически увидел его перед глазами: наша поляна озарилась белым светом сотни прожекторов.

Получена средняя травма головы. Восприятие -3. Время исцеления: 20 часов.

Это еще что всплыло перед глазами? Текст быстро уменьшился в размерах и сместился в правый нижний угол, где вскоре исчез совсем. Ладно, травма так травма. С таким звоном в ушах действительно понимать других сложнее.

По всему получалось, что выбор был сделан за меня. Хотел я этого или нет, но приходилось считаться с правилами игры. Однако, человек – существо иррациональное. Неожиданно мной овладел гнев.

– Да, какого хрена ты делаешь? – заорал я на всех сразу, пытаюсь вывернуть голову и разглядеть обидчика, все еще стоявшего за моей спиной. – Что вам конкретно от меня надо?

Разбойники заржали.

– А я уж испугался, что ты со страху язык сожрал.

– Я его так огрел, что язык то мог и из жопы вылететь! – вставил ударивший меня мужик, и с довольным лицом оглядел дружков.

– Шпрот, твоими сопливыми граблями и мандавошку не прихлопнуть, – осадил его Кнут, – заткнись!

Гогот прекратился, кто-то потянулся к фляге, другие продолжали скалиться мне в глаза.

– Мне от тебя, глист ты тенизовский, конкретно надо несколько вещей, – Кнут расправил перед моим лицом громадную пятерню. – Первое, значит, что ты делаешь в наших краях? А второе... второе – это где твой схрон? Где нычка? Не в одних портках же ты сюда приперся из своего лагеря.

– Из какого лагеря, что за бред? Как вас вообще выключить-то? Сгинь, блин, глюк. Багтрекера на тебя нет, чтобы завести и пофиксить! – выругался я.

– Ты нам тут своей поганой речью воздух не порть, – взревел Кнут, нахмурившись. – Понятно отвечай, чтобы ребята разумели. Где твой схрон? Зачем пришел? Теперь-то не отвертись, что шпик, раз уже язык ваш тенизовский знаешь. И так было понятно, по башмакам твоим, но сейчас-то ты еще глубже себе ямы вырыл. – Я вздохнул. Ситуация только ухудшалась.

– Кнут, а давай я ему что-нибудь отрежу. Ну будет этот... ну сувенир иноземный, а? – раздался писклявый голос с галерки.

– Послушайте, добрые люди, я вам все расскажу, – взмолился я примиряюще, тщательно подбирая слова.

– Где ты здесь добрых людей углядел, собака? – усмехнулся Кнут. – Хотя в сравнении с вами, чумой гниющей, мы, конечно, добрые, аки жрицы богини Этиле. Ладно, раз не юлишь более, то завтра утром отведешь куда надо. А сейчас я хочу пить, жрать и спать.

Он выпрямился в полный рост, хлопнул себя по брюху и огляделся вокруг.

– Яцик, кинь его в клетку на ночь ко второму. Запри, но глаз не спускай. А то я с тебя спущу... шкуру.

Разбойники разбрелись по своим местам, немного разочарованные быстрым окончанием представления.

Яцик скомандовал кому-то, и они вдвоем поволокли меня на другую сторону поляны.

Там, возле дерева, куда почти не долетал свет от костра, стояла железная клетка, размером в полтора кубических метра. Примерно в такой заканчивал свои дни легендарный конунг Рагнар Лодброк, если верить в сериалу. В клетке, скрючившись, сидел мужчина. Рваная грязная окровавленная одежда кое-где свисала лоскутами, но все же было заметно, что совсем недавно она выглядела прилично. Его зовут Бен. Мысль молнией мелькнула у меня в голове. Откуда я мог это знать?

Яцик отворил дверь, поставил меня напротив и, от души размахнувшись, ударил кулаком в живот. Я сложился пополам так удачно, что, влетев внутрь, даже не задел проем. Хотя это было не так уж и важно – я все равно потерял сознание. Опять.

Очнулся в углу клетки, сидящий валетом к Бену. Присмотревшись к его лицу вблизи, я содрогнулся: один глаз заплыл и не открывался, нос распух, на губах кровавая каша. Себя я не видел, но, несмотря на боль в челюсти, горящее ухо и живот, порождающий жуткие ощущения при каждом вдохе, состояние мое было удовлетворительным. Процент на семьдесят. И опять я удивился, откуда вдруг в моем сознании взялась такая информация. Я словно видел внутренним взором полоску состояния собственной жизни. Сейчас оставалось именно семьдесят процентов. До этого такое прозрение было с именем Бена. Хотя здесь еще следовало уточнить.

– Уважаемый, – продрал я охрипшее горло, – как вас зовут?

Мужчина перевел на меня одноглазый взгляд.

– Бенджамин. Но коль уж мы с тобой клетку делим, то просто Бен, – он изобразил улыбку распухшими разбитыми губами, выглядело ужасно.

Да, очевидно, что игровой интерфейс из-за галлюцинаций стал восприниматься не визуально, а подсознательно что ли.

– Ну, Бен, а ты здесь за что?

Бен удивленно выгнул брови и тут же поморщился от боли.

– Что значит "за что"? Возвращался домой от тетки, а тут эта банда дезертиров недобитых, да подонков местных. Ящика этого я с малых лет знаю. Родители его быстро сгинули в войну, вот и остался он на попечении бабки-знахарки. У нее домишко был, вон, за лесом, – он неопределенно махнул рукой в сторону. – Так вот, он шальной с детства был, куда там бабке за ним уследить. Вот и валандался от одних дурней к другим. А время то сейчас какое? Войны, грязь, да голод. В конце концов прибился, видимо, к этому, Кнуту. Задери его кабан. Да что там только его, всю их шоблу дезертирскую пусть задерет – миру легче станет...

– Тихо там! – гавкнул сквозь хмельной сон пресловутый Ящик, которому велели не спускать с нас глаз.

– Так, а что они от тебя хотят? – спросил я шепотом.

– Нажиться хотят, – Бен попробовал сплюнуть, видимо, с досады, но розовая нитка слюны повисла на разбитой губе и никак не хотела отцепляться. – Да только взять с меня нечего. Они уж пытали-пытали... все не верят. Теперь или порешат, или еще что похуже придумают.

Меня пробрала дрожь. Я по-прежнему не верил в происходящее, но и выход найти пока не получалось.

Жестом я подозвал Бена наклониться поближе.

– А может быть мы сбежим? – едва слышно, одними губами спросил я.

– За себя сам думай, а мне никак. Помяли меня хорошо, да и навыков подходящих не имею. Одна надежда, если кто нас увидит и солдат позовет. Хоть из Валерина, а хоть из Бугров ублюдков Лесного Мясника. Они, сам понимаешь, этих не краше, но все-таки какой-то порядок поддерживают и не обрадуются, если узнают, что у них под носом другие бандюги промышляют.

Перечисленные варианты были для меня одинаково непонятны. Какова вероятность такого исхода? Как часто по этой дороге ходят люди или солдаты. Да и долго ли нам здесь оставаться. Утром обещали сопроводить до схрона, которого у меня нет. Это лишь попытка потянуть время, не более. А дальше..., наверное, смерть.

Внезапно я приободрился. Смерть! Как я не подумал об этом раньше?

Умереть в виртуальной реальности – замечательная перспектива. Пусть больно, но после этого кошмар должен кончиться. Мозг осознает, что все еще жив, логика происходящего нарушится, и я очнусь. А если нет? Другие варианты тоже возможны. Кома. Остановка сердца от болевого шока, если убивать меня решат долго и мучительно. Или же все может начаться сначала, с последнего сохранения. Знать бы еще, где оно. Там, в начале на дороге, где свобода?

Или, может быть, незаметно игра перезаписала контрольную точку, и я буду вынужден вновь и вновь просыпаться уже в плену?

Риски были значительными. Успокаивало то, что они были неуправляемыми, не зависящими от меня. А что от меня не зависит, за то и переживать – только нервы переводить. Значит решено: на рожон лезть не буду, game over меня и сам найдет, но вот выпутаться все-таки надо постараться. Еще некоторое время я ерзал в клетке, жесткие прутья больно впивались в спину, тело зудело, ноги пришлось подогнуть. Как уместиться двум взрослым мужчинам на полутора квадратных метрах – задача со звездочкой.

Бен начал похрапывать, да и мои веки потяжелели. Перед тем как уснуть, я подумал, что может быть именно сон – добровольный, а не отключка после удара – вернет меня домой. И уже совсем засыпая, я вспомнил о Юле. Ведь теперь я живу не один, она проснется, выйдет на кухню и увидит меня в кресле, наверное, уже с пеной изо рта. Она разбудит меня, снимет этот треклятый шлем. Ведь в конце-то концов, это ее вещь! Юля уж должна знать, как с ней совладать.

Утро началось не с петухами, а... да нет, с петухом и началось: Ящик со всей силы ударил дубинкой по клетке. Звон вышел настолько громким, что ему мощно досталось от перепуганных коллег. Меня немного спасло то, что правое ухо отказывалось слышать после вчерашней травмы, но железные прутья завибрировали так, что у меня чуть не выпали зубы.

Оглушение. Восприятие -1, Ловкость -1, Интеллект -1. Время исцеления: 30 минут.

Походный лагерь разбойников пришел в движение: люди собирали разбросанные вчера пожитки, укладывали их в тюки, мешки, ящики; из кустов возникли небольшие деревянные телеги, спешно нагружаемые скарбом. Я не ожидал от вчерашних пьяниц и ротозеев такой организованности в столь ранний час. Кнута они что ли так боялись? Какая занятная игра слов: Кнут – кнута, как будто сам Николай Васильевич Гоголь здесь сценаристом подрабатывал и говорящие имена подбирал. А ведь и правда, кто все эти персонажи, как не мертвые души?

Хотя, о чем я говорю? Причем здесь страх? Просто в них разработчики заложили такой алгоритм поведения.

Стоило мне так подумать, как и эта мысль перестала выглядела хоть мало-мальски логичной. Запрограммированные ли они персонажи? Если да, то кто тот гений, позволивший создать искусственный интеллект, так гибко взаимодействовавший со мной – живым настоящим созданием? Проверить бы их на тест Тьюринга... хотя учитывая, как бойко и охотно они меня лупцуют, никаких ограничений на причинение вреда человеческому существу в них нет.

Только я вспомнил Тьюринга, как пришло озарение: известного американского [математика](#) и специалиста в области [компьютерных наук](#), автора книги «Искусство программирования», звали [Дональд Кнут](#), книга посвящена рассмотрению и анализу важнейших [алгоритмов](#), используемых в [информатике](#). Интересно, это случайное совпадение или шутка разработчиков, наделивших главаря разбойников таким именем?

Из опять нахлынувших сакраментальных размышлений меня вывел проходящий мимо разбойник, невзначай бросивший нам в клетку недоеденный окорок и сосуд с кислым вином. Я не успел всмотреться в его имя – он был из незнакомых. Бен среагировал моментально: сгреб подачку под рубашку и аккуратно осмотрелся – не видел ли кто? Однако, внимания к нам больше не проявляли.

Покопавшись под одеждой, сосед протянул мне в черной грязной руке кусок мяса, выглядевший схожим образом, будто бы его только что вырвали именно из этой руки: окровавленный, рваный, вываленный в земле и саже. Я был настолько голоден, что сперва запихнул его в рот, а потом задумался над гигиенической составляющей происходящего.

Если физическую боль можно объяснить раздражением определенных нервных центров мозга посредством шлема виртуальной реальности, то представить, что мое реальное тело подхватит виртуальный ботулизм или дизентерию – сказки! Хотя я и не был уверен в реальной потребности пищи, но голод ощущался на полную катушку, и я согласен был на любой абсурд, лишь бы только избавиться от него.

Работая челюстями, я задумался, как это по-настоящему выглядит со стороны? Не жую ли я сейчас палец или язык. Невольно я остановился и дальше старался просто глотать, особо не прожевывая.

Вкус у мяса, кстати, оказался вполне себе приятным. Вино, правда, было настолько кислым и вонючим, что стоило его пригубить, как этот мерзкий букет мигом обволакивал язык и еще долго я не мог избавиться от послевкуся.

Закончив есть, я тут же почувствовал себя лучше. Здоровье определенно вернулось на максимальную отметку.

Все было собрано и к клетке подошел Кнут. Утром его лицо выглядело не менее угрожающе, чем в отблесках ночного пламени. Он почесал лысину и привычным басом заметил:

– Хату свою сами понесете. Маршрут у нас следующий, сначала ты, – кивнул он в мою сторону, – отведешь нас туда, где у тебя все вещи хранятся. И покумекай хорошенько, нет ли у тебя при себе золота, крон, пиляров? Потому что, честно скажу, от того, насколько мне, значит, понравится то, что ты мне отдашь, будет зависеть мое настроение. А от моего настроения, значит, вообще очень многое зависит в жизни.

Кнут внимательно посмотрел на меня. Я несколько раз кивнул, хотел что-то сказать, для убедительности, но лишь поперхнулся. Он оскалился, как мне показалось, немного дружелюбнее обычного.

– Как собаку тенизовскую тебя, вроде бы, и порешить нужно, – продолжил он даже немного заискивающе, – но с другой стороны... я тут пораскинул... времена сейчас такие, сам понимаешь. А мы компания ребят очень дрис... дин... динамично развивающаяся, смотрим мы вперед, в будущее, думаем о новом наборе голодранцев. Может быть...

Кнут выжидающе взглянул на меня. Я, еще не до конца понимая его мысль, продолжил кивать. В любом случае, эта перемена в его поведении если и была хитрым гамбитом, то, по крайней мере, давала больше времени на поиск решения.

– К-конечно, давайте обсудим все возможности, – сказал я, наконец прочистив горло от утренней хрипоты.

– Вот и добро! Главное, ты нам покажи вещички свои, убеди, что ты человек, с которым нам следует дело делать. Ведь я тут что разумею – оказаться ты можешь не шпиком, а всего лишь дезертиром сраным. Тогда пользы нам от тебя в делах – никакой. Так что ты сейчас покажи, куда нам выдвигаться, а по дороге реши, чем будешь убеждать и за шкуру свою платить.

Кнут оскалился, развернулся и пошел раздавать последние команды бойцам.

– Эй, друг, – похлопал меня по руке Бен. – Раз уж такое дело... а ты действительно из этих, из ЮТО?

Я нахмурился, поскольку все еще не ориентировался в многочисленных определениях сущностей, принадлежность к которым мне упорно приписывали.

– Ты из Тениза? Шпион или дезертир? – продолжил Бен, внимательно всматриваясь в мое лицо подбитыми глазами.

– А это действительно важно? – совсем не хотелось даже пытаться объяснить Бену правду, а продолжать врать было опасно.

– Друг, я ведь вижу, что ты не из них. У меня, скажем так, есть некоторый опыт в общении с южанами.

Ситуация складывалась не лучшим образом, ненавязчивый доселе сокамерник мог облачить меня, с другой стороны, было ли в его интересах сообщать об этом нашим тюремщикам? Какая от этого могла быть выгода? Правда, перед лицом смерти человек хватается за любую возможность спастись.

Мне на помощь пришел Яцик – он велел вылезти из клетки и растолковал значение брошенного Кнудом выражения «хату свою сами понесете»: мне, как наименее пострадавшему из нас двоих, на плечи взвалили клетку, а Бен поддерживал ее сзади. Таким образом, на подгибающихся ногах, я потащился вслед за конвоем. Было тяжело, прутья давили и резали кожу на плечах, я не был уверен, что смогу долгое время поддерживать заданный темп. Утешало лишь то, что пока мы идем, Бен не мог доставать расспросами.

Подошел Кнут.

– Надеюсь, идти нам не очень далеко? А то дружок твой совсем чахло выглядит, – усмехнулся он. – Указывай направление.

Я не знал, в какой стороне у меня больше шансов: где возможна подмога, а где смерть поджидает совсем близко. Может быть, стоило рассказать правду, или хотя бы ее часть, Бену и вместе нам удалось бы придумать что-нибудь, повышающее вероятность выживания. Сейчас сожалеть об этом было уже поздно. Я решился и махнул головой в сторону, откуда пришел вчера. Инстинктивно мне хотелось оказаться именно на том участке дороги, рядом с теми же травинками и березами, где я впервые увидел местный кровавый закат. Вдруг все дело в магическом портале или еще какой-то пространственной аномалии и пройдя тем же путем я смогу вернуться назад, в свой мир. Мало ли таких историй рассказали нам фильмы?

– А там куда?

– В лесу, – припомнил я географию местности.

– Слышали, ребята? До лесу чешем. Да поживее! – крикнул Кнут и хлопнул в ладоши.

Десяток разбойников, которых я так и не успел пересчитать, не имея особой военной привычки к этому, выстроились впереди и позади нас парами, почти как в школе. У кого-то в руках были мешки, другие толкали перед собой телеги, каждый был загружен, даже Кнут схватил в одну руку мешок, но в строй не встал, а зашагал параллельным курсом.

Сегодня был такой же солнечный и ветреный день, как и вчера. От тяжести за спиной было жарко и душно, вспотевшую кожу тут же покрывала пыль, поднятая десятком волочащихся по дороге пар ног. Как только свернули на поле, дышать стало легче, но теперь уставшие ноги заплетались в высокой траве. Бен два раза падал, и я лишь чудом не оказывался придавлен клеткой. Оба раза его били, но больше для устрашения, как мне показалось, затем все же давали пить и немного отдохнуть. Странное дело, по моим ощущениям прошло всего несколько часов, но солнце проделало больше половины пути к закату, и даже мои здоровые, накачанные и привыкшие к постоянным физическим нагрузкам спутники казались уставшими, словно действительно прошло больше половины дня. Возможно ли, что время здесь текло иначе или же мой внутренний секундомер давал сбой?

В последний раз мы остановились в сотне метров от леса. Разбойники развалились на траве и мешках, Бен свернулся в позе эмбриона и тяжело дышал. К этому моменту я уже переживал за него почти так же, как за себя. Сострадание причиняло мне почти физическую боль.

Ко мне подошел Кнут. Пожалуй, он единственный выглядел свежим.

– Далеко еще? Не очень хочется заночевать в лесной глуши...

В подтверждение со стороны леса раздался вой: сначала одинокий, он сразу взял высокую ноту, пробравшую меня до прожилок, затем он вдруг резко оборвался, послышался жалобный звериный «мявк», и тут же раздался многоголосный хор из завываний и лая, но непривычного собачьего, а другого: глуше и страшнее.

Все замерли и смотрели в сторону приближающихся звуков. Вскоре из леса выбежал человек. Удалившись метров на двадцать от деревьев, он резко остановился, принял стойку,

в его руках оказался лук. Быстрым движением он выхватил стрелу из-за спины, приладил ее к тетиве и замер.

– К оружию! – рявкнул Кнут. – В строй! За самострелы!!!

Глава 3. Совы – это не то, чем они кажутся...

Разбойники вскочили с мест, как зайцы. Проворно вытащив из телег и тюков дальнобойной оружие – я с трудом отличаю самострел от арбалета – они тут же оцетинились ими, заняв удобные позиции: кто-то взобрался повыше на телегу, другие встали ниже, на одно колено, взводя тетиву. Я еще раз поразился организованности действий такой, на мой взгляд, никчемной и узколобой шайки гопоты.

Появились первые волки: крупные, сильные, страшные. Они мчались на одинокого лучника. Но фигура мужчины не дрогнула: одну за другой он начал выпускать стрелы по хищникам. Его движения были столь точны и быстры, что мне показалось, будто он просто энергично чешет себе спину, запуская руку в колчан за очередным снарядом.

Ближайшая к нему пара зверей взвыла, присела на лапы и покатила кубарем, то ли от боли, то ли пытаясь освободиться от пронзивших стрел. Их сородичи увидели нашу группу и, возможно, приняв ее за более привлекательную цель, рванули к нам.

Застучали самострелы. Впереди бегущие волки падали под ударами болтов, звери, перескакивая раненых и убитых, бежали дальше, всё ближе к цели, к мясу. Если бы не длительное время перезарядки, вся стая полегла бы еще на подступах к телегам.

Первый добравшийся до разбойников зверь прыгнул на несколько метров и повалил замешкавшегося бойца, тот, видимо, до последнего надеялся успеть сделать еще один выстрел – не вышло. Волк вцепился в его незащищенное тело, рвал плоть, обильно разбрызгивая кровь и цифры с наносимым уроном вокруг жертвы.

Остальные разбойники быстро сориентировались, побросали самострелы и схватили дубины. Теперь волкам было не так просто свалить жертвы. Разбойники ловко уворачивались от бросков, невероятным образом блокировали атаки дубинами, хотя по известным законам физики (сила равна массе, умноженной на ускорение, все помнят?), каждый из этих зверей был способен легко подмять под себя два-три человека за раз, настолько крупнее людей они выглядели, словно их мама-волчица наделала папе рогов с соседом-медведем.

Бой кипел во всей своей безумной красе. Мне никогда не доводилось бывать даже на охоте, а зверей я видел лишь в зоопарке, где они сонно валялись в углах или, как заведенные, ходили из угла в угол по одной и той же траектории, поэтому адреналин захлестнул с головой. Я пытался разобраться сразу с несколькими задачами: первая – не попасть в зубы хищников, вторая – не попасть под дубину разбойников, третья – воспользоваться ситуацией и убежать. Пытаясь держаться подальше от схватки, нырнул за телегу.

– Долго же ты соображаешь, – пожурил уже спрятавшийся там Бен. – Бежать можешь? Сейчас по команде встаем и, что есть мочи – к лесу.

В этот момент с телеги прямо на меня свалился мешок, напугав до мокрых штанов, если бы такое тут было возможно. К счастью, он был загружен чем-то рыхлым и мягким, поэтому не нанес ущерба здоровью. Следом за мешком к нам спрыгнул Ящик, тут же развернулся на пятках и резким ударом снизу приложил дубиной волка, который как раз готовился накинуться на него с телеги. Волк взвизгнул и обмяк на оставшихся мешках и ящиках.

– Получил, курвин сын! – довольно оскалился разбойник.

Полоска его жизни потеряла две трети от максимума. Он тяжело дышал, левая рука была вся в крови, показалось, что я вижу лучевую кость, освобожденную от плоти... а может это была локтевая? Анатомию последние годы я изучал лишь факультативно.

– А вы что тут делаете? – взревел Ящик, когда заметил нас. – Отсидиваться вздумали?

Не успел я что-либо ответить, как Бен вытащил из-за пазухи винную бутылку, которую кинул нам еще в лагере сердобольный конвоир, резким ударом разбил ее о колесо телеги и,

сжав в руке получившуюся розочку, в нечеловеческом по скорости прыжке кинулся на Ящика. Из сидячего положения он смог достать только до пояса противника: но и этого было достаточно, удар пришелся аккурат в промежность. Ящик заорал, согнулся пополам, а затем повалился на землю. Полоска здоровья практически обнулилась. Бен выхватил дубинку из ослабшей руки разбойника и обрушил ему на голову. Полоска здоровья исчезла совсем.

– Бежим, – крикнул Бен и, не глядя, понесся в обход телег по направлению к лесу.

Я вскочил, все еще с трудом осознавая происходящее, и бросился за ним. Откуда в нем оказалось столько прыти и сноровки? Ведь еще совсем недавно он мог с трудом нести клетку, то и дело спотыкаясь и падая. Притворялся? Я всмотрелся в полоску его жизни: примерно половина. Ну что же, действительно он не был при смерти, значит пытался усыпить бдительность врагов, да и мою тоже.

Мы миновали телеги, оставив звуки боя позади нас. Судя по их интенсивности, разгар схватки был уже позади. Оборачиваться, чтобы узнать, чья же взяла, желания и времени не было. Теперь мы бежали прямо к деревьям. Взглядом я судорожно высматривал дорогу перед собой, чтобы не запнуться о кочку или слишком высокую и густую траву. Из-за этого не сразу заметил лучника, стоявшего на том же месте, где я видел его в последний раз. Волков рядом с ним уже не было, однако он все так же держал стойку, из которой так метко и быстро укладывал противников.

Бен бежал прямо на него. Я испугался, не примет ли лучник нас за разбойников и не свалит ли метким выстрелом в глаз? Поддавшись инстинкту, я переместился за спину Бену, таким образом уходя с возможной линии огня. Если в нас будут стрелять, то сначала попадут Бена, а у меня будет время броситься на землю.

– Стоять!!! – раздался крик сзади. – Убью!!!

Это был Кнут. И не нужно быть доктором математических наук, чтобы догадаться, к кому он обращался. Я обернулся – главарь разбойников возвышался над несколькими тушами хищников, сжимая в руке окровавленный тесак. К нему торопились выжившие бойцы. Атака была отбита, теперь их целью стали убегающие пленники.

Бен даже не думал оборачиваться. Он несся вперед с завидной легкостью, Уссейн, блин, Болт.

– Уйдут! Уйдут ведь! – кричал кто-то.

– Стоять, твари!

– Уйдут, холера!

– По ногам, по ногам бей!

До леса оставалось метров пятьдесят, когда что-то впилося в бедро, пронзая всю правую ногу болью. По инерции сделал еще шаг, нога подвернулась, отказываясь принять на себя тяжесть тела – свалился в траву. Перед внутренним взором возникла просевшая полоска здоровья: оставалось процентов пятнадцать. Попытался подняться, но руки не выдержали, и я шлепнулся обратно. Единственное, что удалось – перевернуться на спину, чтобы лицом встретить приближающуюся смерть.

Над головой просвистело несколько болтов. Крик. Свист стрелы со стороны леса. Крик. Свист стрелы. Крик. Стрела. Стрела. Стрела. Тишина.

Я лежал, тяжело дыша, взглядом упершись в розовое вечернее небо, по которому тихо ползли облака. Внезапно, несмотря на боль, меня заворожило это зрелище. Где-то там, за ним, в другой реальности остался мой дом. Мои мечты и стремления. Мои ценности, разочарования... жизнь. Все это казалось далеким и чужим. Под этим сюрреалистичным небом я скатился по пирамиде Маслоу с самого верха – потребности в самоактуализации, практически до низа – выживания. И отчего-то это казалось таким правильным и простым. Как тихо, спокойно и торжественно вдруг стало на душе. Совсем не так, как последние годы, когда я пытался чего-то достичь в мире науки. Прр...!!! Стоп! У кого-то я уже читал такие мысли?! Бородино? Анна

Каренина? Андрей Тихонов? Вот затолкают в тебя за два последних школьных года всю русскую классику, потом остаток жизни ходи и отплеывайся обрывками чужих монологов.

– Евгений, эй, где ты там? – позвал женский голос. – Жив?

Голос казался знакомым. Резкий, низкий, нагловатый. Юля?

Я поднял руку и помахал над травой.

– Все, вижу, лежи тихо, вдруг тебе кровотечение поставили. Сейчас дам лечилку.

Трава рядом зашелестела и надо мной склонилась девушка, очень похожая на Юлю, какой я ее запомнил. Те же черные волосы, сейчас они были перехвачены лентой на лбу, волевые черты лица, выступающий носик. Из-за спины торчал колчан со стрелами. Она выглядела не по-домашнему неопрятной, как вчера, а собранной, цельной, устремленной. Лучник – это Юля!

– В попец тебе что ли прилетело? Видела, как ты свалился. – засмеялась она. – Да в принципе без разницы, тут все равно повреждения к частям тела не привязаны, только если травму получишь. Сейчас вот возьми водички попей, потом еще пару куриных ножек съешь и все пройдет. Эликсиры регенерации здоровья здесь только охотники умеют готовить, а их на весь игровой мир – по пальцам пересчитать. Так что неписи, да и мы, визитеры, обычно, лечимся едой.

Я залпом выпил предложенную мне бутылку воды. Самочувствие действительно улучшилось.

– Фух, – процедил, пытаясь сформулировать вопрос, – что это? Как это вообще получилось? Что это еще за интеграл, блин, неопределенный? Как нам теперь?

Юля саркастически улыбнулась.

– Ну-ну, не расплачься главное. Все нормально. Плохие дяди тебя больше не обидят, я их наказала. Сейчас мы сопельки вытрем и пойдем домой, да?

– Это не ответ!

– Так и вопроса не было. Так, истерика девчачья... поэтому поговорим потом. Давай, доедай курицу, восстанавливай жизни. Кстати, а что это за хмырь с тобой?

Я огляделся – действительно, в десяти метрах от нас в траве сидел Бен – живой и почти здоровый – жадно вгрызался в какую-то еду.

– Это Бенджамин, тоже в плену был, местный житель. Больше о нем особо ничего не знаю.

Какое-то время потребовалось, чтобы восстановить здоровье. Наконец, я смог детально рассказать Юле произошедшее. Она не перебивала, хотя и было заметно, что в общем-то скучает и ничего необычного во встрече с виртуальными разбойниками внутри компьютерной игры для нее нет. Пару раз она уточнила некоторые детали, особенно о моих ощущениях от побоев и о том, как я воспринял происходящее, что подумал, как хотел выпутаться. Поняв, что никакого конкретного плана побега у меня не было, она сдержанно похвалила за идею с показом схрона в лесу.

– В общем-то, ты все правильно понял. Единственное – шансов самому отсюда выбраться у тебя не было изначально. По крайней мере, я о таких прецедентах не знаю. Но и смертельной угрозы, в общем-то, не было. Я же успела вмешаться...

– А как же мы теперь...?

– А мы, друг мой, не пальцем деланы. У нас все продумано. Потому что обычно в такие ситуации посторонние люди не попадают. А попадают только подготовленные. Однако, если позволишь, я хотела бы дома все тебе рассказать. Но для этого нам нужно сходить в одно место, и кое-что приготовить.

– Что еще приготовить?

– Назовем это – эликсир «Дорога Домой». У меня была с собой бутылочка, но злобные шавки напали на меня в лесу, и я упала и разбила пузырь. Вот такое вот нелепое и досадное стечение обстоятельств.

– Какой еще эликсир? Юля, что вообще происходит? Ты понимаешь, насколько все случившееся абсурдно? Почему нельзя просто снять этот шлем и очнуться в комнате, в Петербурге?

Юля помолчала, внимательно изучая мое лицо.

– Жека, ты вроде умный мужик. Неужели ты еще не смекнул, что происходящее сейчас, мягко говоря, выбивается из твоих представлений о мире, о реальности? Сейчас не время и не место вдаваться в подробности, тебе просто нужно довериться. Видишь, я же пришла за тобой, спасла тебя. Дай мне вернуть нас домой и там поговорим.

Конечно, такого объяснения было недостаточно. Опущу некоторые детали продолжения нашего диалога, возможно, представляющие меня не в лучшем свете, но уверен, что любой здравомыслящий человек, оказавшись в подобной ситуации, мог бы отреагировать еще острее.

– Прошу прощения, что перебиваю, – окликнул нас тихо подкравшийся почти вплотную Бен. – Но позвольте узнать ваши дальнейшие планы? После случившегося мне как-то не по себе и ночью пробираться до дома через леса или даже по тракту – страшновато. Может быть, нам с вами по пути?

Юля очень внимательно осмотрела Бена. Чудесным образом синяк на его лице рассосался, следов побоев практически не было видно, полоска здоровья выглядела длинной и прямо-таки светилась спокойствием и уверенностью в завтрашнем дне.

– Вали отсюда! – коротко сказала она. – Сам разберешься, куда тебе идти и когда. Если пороешься в трупах, то найдешь себе и оружие, и компенсацию за причиненные неудобства. Ни в чем себе не отказывай, только на глаза мне больше не попадайся. А то пристрелю. Это я делаю хорошо, ты успел заметить.

– Юля, может быть мы все-таки... – робко начал я.

– Нет, я сказала. Дальше нам не по пути. И советую поторопиться, такое обилие мертвечины привлечет сюда вурдалаков – глазом не успеешь моргнуть. Так что давай, бери, что надо и вали.

Повторять не пришлось. Бен неуклюже поклонился и побрел в сторону дороги. Останки разбойничьего отряда он миновал по дуге, наплевав на предложение пожить.

Мне было жалко недавнего товарища по несчастью, но, признаться, последние его действия меня напугали. Возможно, в этой игре и многодетная хозяйка способна убить грабителя половником, но мне об этом было неизвестно. Сейчас главным было добраться до дома, прийти в себя. Значит надо слушать Юлю. Она – моя единственная связь с привычным миром.

Я поймал себя на мысли, что по большому счету новую соседку я знаю всего ничего. В Питере мы общались совсем коротко, и она, в основном, подтрунивала надо мной. Отчего же я был готов ей довериться? Вопреки логике, боюсь, что даже самый мерзкий человек из реального мира в тот момент оказался бы мне ближе и милее самой распрекрасной принцессы из мира нового, виртуального.

Внимательно посмотрев на копающуюся в сумке Юлю, я отметил, что она не вызвала излишних подозрений, но и не внушала доверия. Таинственная темная лошадка, не удивляющаяся явлениям, способным перевернуть привычный мир с ног на голову. Это интриговало и будоражило. Вращаясь последние пятнадцать лет среди посвятивших жизнь науке людей, в основном мужчин, специфического склада личности и представлений о красоте, эстетике и сексуальности, мне было странно воспринимать привлекательную молодую девушку на позиции сильного и более осведомленного в теме собеседника. Засмотревшись на ее ладную фигуру, изгиб бедер, талии, я заметил, что в игре ее имя отображалось, как «Ю», любопытно, а какое имя светилось над моей головой?

– Че ты пялишься? – крикнула на меня Ю. – Вставай! Предупреждение про вурдалаков касалось и нас с тобой. Ты думаешь, я супергерой и могу всех победить?

– Ничего я не пялюсь, просто задумался..., – попробовал оправдаться я. – И что, есть много тех, кого нам здесь следует опасаться?

Девушка зловеще, напоказ, рассмеялась.

– С разбойниками повезло. Точнее, повезло с волками... За себя-то я постоять могу, в крайнем случае сделаю ноги. Но ведь надо было спасти тебя. Следить, чтобы никто не перерезал тебе горло, испугавшись, что пленник может убежать и привезти дружков отомстить.

– Раз уж зашла речь о смерти, то давно мучаюсь вопросом: что будет, если здесь умереть? Может быть это проще всего? Очнемся дома?

– Нет! – крикнула Юля. – Фу, фу, фу такие мысли думать. Смерть в игре на тех условиях, на которых ты сюда попал, может означать самые разнообразные последствия. И если среди них есть вариант с пробуждением в теплом уютном креслице с улыбкой на губах, то знай – кресло будет теплое от твоих испражнений, а кретиническая улыбка так и останется с тобой навсегда из-за необратимых поражений мозга.

Некоторое время мы шли молча сквозь лес, я обдумывал услышанное. Значит, инстинкт самосохранения меня не подвел. Близость реальной физической смерти или серьезного увечья оказалась не надуманной. И как же меня угораздило во все это ввязаться? Я ведь и в драках то за всю жизнь ни разу толком не участвовал. Если только в глубоком детстве. А тут такое...

Однако, хитрый мозг уже пытался извлечь выгоду из ситуации. Если я оказался свидетелем столь необычных событий, доселе неизвестных научному сообществу, то я могу быть первым, кто опишет это, изучит! Неужели это тот шанс, который скупая судьба дает каждому лишь раз в жизни? Нельзя его упускать. Это перевернет мир, представления о границах возможного! А мое имя встанет в один ряд с великими в истории! Эти мысли окрыляли.

Юля, или как ее, возможно, следовало называть в виртуальности – Ю, шла быстро и уверенно, однако ступала осторожно, стараясь не задевать кусты и ветви деревьев. Я с трудом разбирал очертания препятствий в темноте, поэтому ориентировался на ее изящный силуэт. На ней была кожаная куртка, какого-то средневекового кроя, сложной фактуры штаны: ткань с кожаными лоскутами на бедрах, высокие сапоги. Лук она держала в правой руке, аккуратно размахивая им при ходьбе и отодвигая назойливые ветки.

– Когда ты сюда попал, ты заметил элементы игрового интерфейса?

– Было что-то вроде навигатора, но потом почему-то он исчез, – припомнил я.

– Это нормально. Постарайся сосредоточиться на окружающем тебя мире. Миникарта доступна, но может проявляться на уровне чувств, предостережений. По механике игры мы сможем заметить агрессивных персонажей издалека и, в общем-то, обойти их, при удаче. А мне бы очень не хотелось встретиться с еще одной группой волков, медведей, вурдалаков, разбойников или, не приведи рандом, демонических троллей. Хотя последние в этой области не должны водиться.

– Постараюсь, – испугавшись, ответил я, и изо всех сил начал концентрироваться. От этого, правда, только заложило уши.

– Идти нам не далеко. Скоро будет избушка травницы, у нее возьмем ингредиенты и воспользуемся кухней, то есть котлом. Я приготовлю эликсир. По сути, это плацебо для нашей реальной физической сущности, но каким-то образом в этой игре таков механизм возврата.

– Что значит в этой игре? Хочешь сказать, что есть возможность очутиться где-то еще?

– Есть.

– Может быть расскажешь? – я даже прибавил шаг, чтобы оказаться ближе к Юле.

– Может быть расскажу. А может быть и нет.

– Что значит...

– А то и значит, – девушка резко остановилась, схватила меня за плечо, и громким шепотом быстро продолжила, – ты что думаешь, что тебе тут кто-то что-то должен? Я, например? Ты даже спасибо не удосужился сказать, за то, что я спасаю твою сомнительной ценности жизнь. Или может быть ты решил, что раз уж оказался свидетелем таких возможностей, то теперь тебя в реальности ждет слава и почет? Напишешь статью, книгу, пригласишь журналистов и расскажешь им об этом?

Я слотнул, настолько близки были ее слова к правде.

– Ты ничего не сделаешь! Тебе никто не поверит, максимум, на что ты можешь рассчитывать – стать героем идиотской программы про сверхъестественное на каком-нибудь вонючем телеканале. Но даже этого я тебе сделать не дам. Будешь рыпаться, болтать, писать куда-то или делиться переживаниями – упеку в дурку или сама феназепамом до зеленых слюней накачаю.

– Юля, да не собирался я... – попробовал соврать, но слова застревали в горле.

Девушка внимательно посмотрела мне в глаза.

– Женя, я не хочу тебя пугать, просто давай примем правила: ты оказался в истории, гораздо, гораздо большей, чем ты сам, и чем ты можешь представить. Поэтому сделай милость, смирись с ролью первоклассника. И если будешь хорошо себя вести, то есть шанс закончить хотя бы начальную школу.

Я сделал над собой усилие, стараясь подавить откуда-то взявшийся гнев, но гнев был на себя. В первую очередь за то, что какая-то девчонка смогла так легко предугадать развитие моих мыслей; а во вторую, за то, что меня так испугали ее слова.

Увидев, что я не собираюсь спорить или возражать, Юля отпустила мое плечо, лукаво улыбнулась и бросила фразой из классики, после которой мурашки на спине стали размером с кулак:

– Совы – это не то, чем они кажутся, Купер.

Мы продолжили пробираться сквозь чащу. Очень быстро опустилась ночь, только огромный, в пять раз больше привычного, диск луны отражал свет так сильно, что позволял ориентироваться среди деревьев и оврагов, обильно расчерчивающих ландшафт. В настоящем лесу мы бы уже переломали ноги, но здесь ночь была похожа на киношную, голливудскую, когда зрителю понятно, что вокруг героев темно, но при этом можно ориентироваться в пространстве.

Иногда, откуда-то сбоку слышалось чавканье и уханье, треск и завывания, но Юля не обращала на это внимания, уверенно продвигаясь к одной ей известной цели. Я старался не отставать. То ли от страха, то ли из-за особенностей игровой механики, спать совсем не хотелось.

– Расскажи, что случилось перед тем, как вы побежали от разбойников, – спросила она, когда мы карабкались на очередной холм, цепляясь за кусты и массивные корни деревьев.

– Да, собственно, ничего. Началась драка, я юркнул за телегу, там же прятался Бен. Потом на нас свалился этот... Ящик. Ну а потом Бен его убил, и мы побежали.

– Как Бен смог его убить? Он же не агрессивная непись...

– Кто, прости?

– Ну непись, NPC – Non-Player Character, неигровой персонаж.

– Ясно... Ну, он выхватил спрятанную у него бутылку, разбил ее о телегу так, что получилась розочка, и пырнул гада. Потом схватил дубинку и добил его по голове.

– Постой, он разбил бутылку и дальше ударил осколками?

– Ну да, а что тут такого?

– А то, что в этой игре нет такого оружия. И возможности что-то сделать из бутылки тоже нет.

– А разве все остальные возможности, которые я сегодня видел собственными глазами, заложены в алгоритмы игры? Мне показалось, что разбойники очень живо общались со мной, ориентируясь в ситуации на ходу.

– Да, это тоже все очень интересные вопросы, но все-таки разбойники были вооружены, как разбойники. Вели себя, как разбойники. Преследовали вполне логичные цели. Роль же мирного персонажа здесь: или сельское хозяйство, или участие в сюжетных сценах, или, как тоже заложено, быть пленником в клетке таких вот уродов. Не было зафиксировано случаев, когда им удавалось самим выбраться на свободу. А сегодня... или наше вмешательство так исказило механику, или...

– Или сам Бен? – попытался угадать я.

– Зря я его отпустила.

Взобравшись на холм, мы увидели за деревьями очертания домика на опушке. В окне горел свет, а из трубы вился дым, хорошо заметный в лунных лучах.

– Пришли. Скоро будем дома, – обрадовала девушка, и ободряюще хлопнула меня по плечу.

Глава 4. Интеграл хочет все знать

Я никогда не был знатоком абстинентных состояний, но то, что испытал, после принятия эликсира, когда Юля уже в нашей питерской квартире стаскивала с меня злополучный шлем виртуальной реальности, наверное, можно назвать именно жесточайшим похмельем, близким к самому настоящему делирию. Судороги изгибали тело знаком интеграла, желудок подскакивал к горлу и опускался вниз в ритм пульса, который, захлебываясь аритмией. В глазах плясали искры и звезды, предметы комнаты вращались и складывались то горкой, то россыпью, словно в калейдоскопе. В ушах гудело, звенело и закладывало. Кажется, я кричал. Юля пыталась сдержать мои конвульсии, но это едва ли помогало. Наконец, меня согнуло пополам и вырвало в заботливо подставленный тазик.

– У нас, как в том французском такси: никто не блюет во время поездки, все блюют после, – Юля продолжала удивлять меня цитатами из современной классики мирового кинематографа. – Живой?

Я промычал что-то в ответ. Сознание медленно возвращалось к реальности. Вытер рот трясущимися руками, откинулся в кресле и прикрыл глаза. Стало только хуже, голова кружилась, как после центрифуги, я полагаю.

– Лучше бы меня убили...

– Не преувеличивай. Успеется еще. В первый раз всегда плохо, потом организм привыкает. Видишь, я почти не мучаюсь.

– Обнадежила...

– Тошниться будешь еще или можно убирать? – Юля осторожно дотронулась носком до тазика.

Я помотал головой и тут же пожалел об этом: спазм снова скрутил желудок, и только вновь вовремя подсунутая емкость спасла белоснежную мебель.

– Ясно-понятно. Пока оставлю, сам уберешь. Я нам чай приготовлю с баранками. Мне раньше помогал... да и вообще, жрать хочется, завтракать пора. Хотя... может тебе сто грамм накапать? И целый день свободен...

– Ни за что! Лучше ацетилсалициловой кислоты, если есть, – взмолился я.

– Братюнь, ты базар фильтруй. Нужен аспирин – так и скажи.

Минут через пятнадцать я мог влачить жалкое, но хотя бы какое-то существование. Рвота прекратилась. Предметы вокруг перестали танцевать. В голове начали формироваться обрывки мыслей.

Юля принесла заварочный чайник и две кружки на блюдцах: все из одного советского сервиза.

– У Аишы пылился... а тут вроде как повод... – ответила Юля на мой удивленный взгляд. – Ты все-таки первый раз вышел.

Рядом поставила вазочку с баранками. Юля была одета, как и вчера (позавчера?), в домашнее: белая футболка с принтом, серые спортивные штаны.

– Питайся, жертва игромании.

Крепкий черный чай с нотками розы действительно помог, а может быть таблетка. Получилось справиться с силами и заговорить.

– Спасибо... Юля.

– Да ладно, ешь.

– Я не про это, точнее... не только про это. Спасибо, что спасла меня.

Поджав губы, девушка изобразила улыбку.

– Сочтемся.

Только сейчас я заметил, что справа от моего кресла на диване валялся еще один шлем, такой же, как чуть не убивший меня.

– Ну а ты думал, почему я так долго за тобой шла? – Юля изрядно облегчала жизнь, по взгляду угадывая мои вопросы. – Когда увидела, что ты вышел, пришлось срочно искать вторую шапку. А их, как ты понимаешь, в магазине не продают.

– Они что, специальные какие-то, да?

– Типа того. Модифицированные.

Потихоньку силы ко мне возвращались, а вместе с ними – ярость.

– А какого икса, прости за выражение, ты такие предметы раскидываешь по всей квартире?!

– Так, все, началось! – рассердилась Юля. – А тебя родители не учили, что чужое трогать нельзя? Тем более вещи незнакомых людей?! Тем более НЕЗНАКОМЫЕ вещи НЕЗНАКОМЫХ людей?! Ты свою докторскую купил что ли?!

– В колбасном отделе... – и нервно засмеялся.

Юля еще что-то кричала, но я не мог унять истерический хохот. В конце концов она успокоилась и тоже улыбнулась пару раз. Кажется, искренне.

– Ладно, – примиряюще сказала она и откусила баранку. – Шправывай. Живев ты со мной, так что фсе равно довтонешь вопрофами рано или пофдно.

Мысленно я возликовал. Вопросов, действительно, было море. На фоне перспективы получить ответы тут же улучшилось состояние и отпустила злоба.

– Что это было, Юль?

Она тяжело вздохнула, дожевывая.

– Вот сколько прошу отдел кадров совместно с пиарщиками сделать нормальную презентацию или ролик для молодых и зеленых впервые вышедших... А! – Махнула рукой. – Разогнать их всех на хрен надо. Ладно, слушай, своими словами... Как ты понял, в нашем замечательном мире есть возможность посещать – или как мы говорим, выходить – в миры видеоигр. История эта довольно-таки старая и, по правде сказать, не с видеоигр началась, но сейчас не об этом, да и не все тебе знать положено. Остановимся на том, что мир игры в определенный момент достигнув некой целостности, осмысленности и степени проработки, обретает... как это лучше сказать... самосознание, самостоятельность, независимость что ли. Короче, начинает представлять собой целостную сущность, начинает жить по заложенным в него законам, даже без вмешательства игроков или авторов. Однако, его существование и развитие ограничено сюжетными рамками. Здесь тоже есть оговорки, но давай пока их опустим. Используя особые приспособления, как, например, эти шлемы, некоторые люди способны выходить в такие миры. Ну, собственно, вот и ответ на твой вопрос.

– Подожди, подожди...

– Барни Стинсон, а я тебя и не признала, – засмеялась Юля.

– Такое ощущение, что ты не по играм, а по фильмам и сериалам путешествовать умеешь, столько у тебя оттуда цитат постоянно.

– А раз ты все это узнаешь, значит и доктора наук у нас не слишком работой загружены, – парировала Юля.

– Работа тут не при чем. Просто я холост. Свободное время тратить не на кого, а отвлекаться как-то надо...

Она лишь выгнула брови в ответ: ну вот, мол, сам себе и ответил.

– Не сбивай меня, я хотел уточнить, а как такое вообще стало возможно? Кто придумал эти шлемы и почему не все ими могут воспользоваться в таком качестве?

– Ох, зануда, – опять вздохнула Юля, – ты меня про особенности мироздания зачем спрашиваешь? Кто из нас ученый? Есть же у вас там какая-то теория струн или ниток?

– Это не у нас, а у физиков. Я – математик.

– Да без разницы. Там же утверждается, что в каждый момент времени, – забубнила девушка, – существует бесконечное множество параллельных вселенных, где живет бесконечное множество таких же людей... ну и так далее... В данном случае пример не совсем точный, потому что про бесконечное множество мы не говорим, а имеем дело лишь с конкретными сущностями игровых миров. Но суть не в этом, а в том, что почему так получилось – никто толком не знает. Ни в случае теории струн, ни в случае нашего ортодоксального понимания мира, ни в случае игровых миров. Это тебе в наш научно-исследовательский отдел надо. Они тебе тоже не ответят, но уши помогут. А я больше практик.

– Допустим, но как туда удалось попасть?

– Секрет. Гостайна. Я расписку давала. Тебе достаточно знать, что мы используем стандартные шлемы виртуальной реальности, оснащенные инжектором, который в момент запуска игры вкалывает тебе специальный раствор, так сказать, немного расширяющий и подготавливающий твое сознание для выхода.

Это что же, и мне такой вкалывали? Я судорожно схватился за шею, пытаюсь найти место укола.

– Да, и тебе впрыснули, ты не почувствовал. Это – как комарик укусил. Проблема в том, что далеко не всем людям даже такой костыль помогает. Тут определенный уклад сознания нужен. Какие-то способности. Это тоже к нашим ботаникам... в смысле, в научно-исследовательский...

– Так у вас что, целая организация?

– Ага, госкорпорация просто. В Сколково базируемся, на налоги честных тружеников живем. Шучу.

– А сколько человек об этом знают?

– Секрет. Нулевая форма доступа к информации, представляющей государственную тайну.

– Нулевая? Такой не бывает. Их всего три.

– На то она и нулевая, что ты про нее не знаешь.

– А ты мне просто так рассказываешь? Я же ничего не подписывал?

– Я тебя умоляю... Сказала же – начнешь болтать – без расписки замочим.

Я слотнул.

– Ну хорошо, можете вы путешествовать по играм...

– Путешествуют туристы, а мы – выходим.

– Ладно, выходите в игры... вот мы, например, только что туда попали. Но это было какое-то физическое место? Географически определенное?

– А тебе не пофиг? Или хочешь чартеры с экскурсиями туда пустить?

– Но как же другие игроки? Ну то есть, это же игра, в нее постоянно кто-то играет. Мы могли кого-то встретить?

– Вопрос, надо признать, хороший. Вернемся к теории параллельных вселенных... Или к принципам наследования, если так будет легче. Представь, что есть родительская сущность игрового мира, основная, изначальная..., как угодно. Как только кто-то из игроков запускает игру, то с этой родительской сущностью отщепляется копия, новая версия, которая полностью наследует состояние, характеристики, положение родителя. И в этой копии игрок строит свое приключение. Чтобы ни произошло в наследственной сущности – это не повлияет на родительскую. Не пытайся воспринимать это лишь логически, здесь скорее метафизика какая-то.

– Пока понятно, – признался я, и сам удивился, что действительно начал улавливать суть.

– Когда же совершается выход, он всегда происходит в изначальную сущность. И здесь все изменения очень чувствительны.

– Необратимы?

– Ммм... Эээ..., – Юлия замялась и принялась кусать ногти в задумчивости. – Скажем так, сложно обратимы. Это, кстати, одно из основных направлений нашей оперативной деятельности.

– Поясни. Может быть расскажешь больше о вашей организации?

– Конторе, говори, конторе. Звучит понтовее. Многого я тебе рассказать не могу, но допустим, я работаю РП в ОКИП.

– Руководитель Проектов в Отделе Контрольно-Измерительных Приборов?

– Почти. РП мы все-таки чаще расшифровываем, как Решала Проблем...

– Смело... а отдел тогда вы чаще расшифровываете, как Определение Криволинейности Интегрального Парадокса?

– Нет, все прозаичнее: Отдел Контроля Игрового Процесса.

– Название, конечно, говорящее, но расскажи пожалуйста подробнее.

– Ладно, слушай. Как я уже говорила, при выходе в игру можно оказать действие на ее мир, персонажей, сюжет. При этом все игровые сессии, запущенные после такого вмешательства, будут повреждены. Причем физическая связь между компьютерами здесь не важна. Даже если ты сидишь в лесу без любого намека на интернет или связь с внешним миром, то все равно твоя личная копия игры, установленная на локальный компьютер или приставку, повредится. Парадокс. И если такое вдруг случается, то для всего мира это называют багом, разработчики стараются все быстренько исправить, если могут, а мы – РП – ищем причину изнутри и тоже стараемся все вернуть на свои места. Такое действие называется патчем, слышал, наверное. Отсюда другая расшифровка должности: РП – Руководитель Патчей, или, на манер наших забугорных коллег: РМ – Patch Master.

– Ничего себе. То есть разработчики игр знают про вас?

– Нет. Точнее, не все. Далеко не все. Единицы. Мы стараемся оставаться в тени. Действовать на упреждение. Отслеживаем активности в игровых мирах, если что-то отклоняется от нормы – немедленно выходим и разбираемся в ситуации. Часто удается все исправить прежде, чем кто-либо заметит.

– Тогда у меня еще два вопроса. Зачем вам это нужно? И кто устраивает эти сбои?

Юлия медлила с ответом.

– Я устала и хочу спать. Ты, наверное, тоже. Поэтому сейчас отвечаю и все.

Стоило напомнить про сон, как я почувствовал чудовищную усталость. Действительно, стресс сходил на нет, тело просило отдыха, хотя возбуждение от разговора едва позволяло усидеть на месте. Ощущения были неоднозначные. Будто работаешь над диссертацией двое суток без сна и вроде уже нужно прилечь, но внутри все клокочет, усталые мысли все еще просят и просят внимания, а мозг считает что-то на автомате.

– Я пойду с конца. Сбои устраивают те же люди, которые грабят тебя в подворотне, воруют лес вагонами, убивают конкурентов, покупают футбольные клубы. Люди, для которых собственный интерес всегда на первом месте, несмотря ни на что.

– А какую выгоду можно извлечь из такого... вредительства?

– Сказала же, что отвечу на два вопроса. Поэтому остальное пока додумывай сам. Значится, по поводу того, зачем нам это надо... Тут все просто. Если вдруг большинство игр начнет без конца сбоить, если сюжеты будут ломаться, если игрокам постоянно будут встречаться необъяснимые странности – возникнет много вопросов. Это скомпрометирует не только нашу деятельность, но и сделает очевидным саму возможность выхода. Представляешь, что тогда начнется? Ситуация выйдет совсем на другой уровень. Поэтому приходится прилагать огромные усилия по сдерживанию возможных утечек. Нам нужно время, чтобы самим окончательно разобраться, исследовать возможности. Это как космос – нельзя пускать туда всех подряд. И еще одно... есть мнение, что если люди могут попасть туда, то и неписи могут вторгнуться в наш мир.

Действительно, с одной стороны я понимал, что речь идет о новой мировой силе, возможно, сродни появлению ядерного оружия. Но с другой стороны – это всего лишь игры. И влияние может быть оказано лишь в пределах отдельно взятых виртуальных миров. Это скорее похоже на читерство в онлайн играх. Да, с этим борются, да, в этом бизнесе крутятся огромные деньги, но неужели государству есть до этого дело? Хотя если говорить о выходе персонажей компьютерных игр к нам в реальность, то да, перспективы пугающие. Но и жутко любопытные!

– Смею предположить, что никто до сих пор не имеет четкого понимания, где границы возможностей от подобных вмешательств? Учитывая, что цивилизация все больше и больше оказывается завязана на цифровой мир, интернет, виртуальные пространства, да?

– Два вопроса, Жека, два вопроса. – Отрезала Юля, вставая с дивана.

Мне не требовался прямой ответ, все и так было понятно, не дурак. Такой объем новой информации, конечно, не охватишь за час. С этим лучше переспать, дав тренированному мозгу разложить все по разделам, сформулировать выводы. Внутри чувствовался разгорающийся огонь от близости новой увлекательной области исследований. Возвращение на Родину теперь казалось не отступлением, не шагом назад в карьере, а гениальным тактическим маневром, открывающим небывалые горизонты.

– Убери и помой посуду, раз уж все равно сидишь, рефлекслируешь, – бросила Юля, направляясь к себе в комнату.

Я так и сделал, а потом пошел к себе отдохнуть. Рухнул на кровать прямо в одежде и стоило опустить голову на подушку, как тут же забылся сном. Не знаю, сколько проспал, показалось, что секунду. Очнулся от того, что в дверь позвонили.

Резко подскочил и зачем-то выбежал в гостиную. Заметил, что за окном уже стемнело.

– Твою же мать! Поспала, называется, – ворчала девушка, выходя из своей комнаты. – Пойду открою.

В прихожей раздались голоса. Юля возмущалась чему-то, но сдержанно, не как обычно. Ей отвечал спокойный баритон (это повыше баса, но еще не тенор, если кто забыл).

Первой в гостиную вошла собака: бежевый лабрадор, классический. Мельком обнюхав меня, знакомой дорогой прошел в угол и уселся там, елозя хвостом по полу. Затем вошел мужчина с зонтиком-тростью, ручку которого венчал набалдашник в виде головы... пуделя? Гость был высоким, жилистым, лет под семьдесят, с морщинистым лицом аристократа, очень похожий на... хотя, возможно, мне показалось.

– Добрый день! – обратился он ко мне. – Евгений, если я не ошибаюсь? Простите, не знаю, как вас по батюшке.

– Александрович я... Евгений Александрович Ватин, – встал, отвечая на рукопожатие.

– Как любопытно! – вскинул он руки. – Вы с Юлией, как иногда говорят, патронимы. Да, Юлия Александровна? Тезки по отчеству.

– Степан Ве-ни-а-ми-но-вич, – делано выговорила девушка по слогам, – да не все ли равно?

– Холмогорова. – гость обратился к Юле тем редко встречающимся тоном, когда слова произносятся ОЧЕНЬ спокойно, но все услышавшие их начинают ОЧЕНЬ нервничать. – Сколько раз я тебе говорил, что работаем мы с людьми. В команде. А учитывая особенности нашей деятельности, об этих людях необходимо знать все. Девичью фамилию домашнего питомца, номер СНИЛСа, в какой школе учились родители. Все. Я уже молчу про товарищество, дружбу, чувство плеча. Только в команде можно достигнуть результатов. По одиночке мы – пыль.

Юля хотела что-то ответить, открыла было рот, но скривилась и промолчала.

– Вот и славно, – похвалил ее Степан Вениаминович. – Итак, Евгений Александрович, во-первых, хотел бы представиться. Моя фамилия Огородников – полковник ГБ в отставке,

начальник этой прекрасной, но заносчивой девушки, руководитель Отдела Контроля Игрового Процесса.

Мужчина коротко поклонился и мне пришлось ответить тем же.

– Коллега в углу – Ластик, наш товарищ и верный друг, – пес услышал свое имя и твякнул, словно здороваясь. – Надеюсь, он вас не испугал. Но ближе к делу. Как я понял из отчета, вас как раз должны были успеть ввести в курс.

Обо мне уже успели написать отчет?

Они обменялись взглядами с Юлей, та развела руки и кивнула.

– Замечательно. Подозреваю, что вопросов сейчас очень много, но увы, не смогу удовлетворить ваше любопытство. По крайней мере на данном этапе сотрудничества. Но смею заверить, у конторы на вас очень далеко идущие планы.

Странно, не прошло и... а сколько же все-таки прошло? Равномерно ли течет время здесь и в играх? В любом случае, я совсем недавно появился в этой квартире, только что чудом избежал смерти, вернулся из виртуальности – руки все еще подрагивают – а бывший офицер гос безопасности уже говорит о каких-то планах на мой счет? Как они решения то принимают? Где анализ? Изучение человека? На чем основываются? Кубики бросают? Кофейная гуща? Нюх вот этого пса? Как его, кстати? Кличка какая-то клоунская была, Карандаш, Стирашка?

– Не волнуйтесь, – сахарным голосом произнес Степан Вениаминович.

Они что, все здесь мысли читать умеют?

– В первую очередь нас интересует ваша научная деятельность и потенциал. Признаться, мы следим за вами уже несколько месяцев, внимательно ознакомились с работами. Понимаете, исследования огромных массивов данных нас сейчас очень интересуют. Вы представляете, сколько игр существует в мире? Хорошо, самостоятельных игровых миров куда меньше, но все же цифра существенная. И в каждом мире сотни персонажей, тысячи факторов, которые надо отслеживать, чтобы понять хоть какие-то закономерности, предсказать дальнейшее развитие. Вы же программируете на языке R, у вас замечательные подходы к обработке статистической информации, уверен, и вам было бы крайне интересно поближе познакомиться с существующими в нашей теме математическими вопросами и задачами.

– Подождите, какие к иксовой матери, математические задачи? Вот это поворот. Как это вы за мной следили? То есть это все было не случайно? Я не случайно здесь оказался?

Юля хранила молчание, мол, не при делах. Как же, верю я ей, ага!

– Ну в общем да, – развел руками полковник, – как только мы узнали, что ваш контракт кончился, мы поспешили связаться с вами и предложили приехать в Петербург. Конечно, нам пришлось действовать через подставную компанию, не могли же мы сразу рассказать суть работы. А еще мы связались с вашим риелтором и поселили сюда...

– Подождите, то есть собеседование с фирмой «ОСВиЛ» послезавтра не состоится? – я негодовал. Да что же они за подлецы такие, а?

– Боюсь, что нет. Хорошая новость в том, что вы его уже прошли. Мы приглашаем вас на работу. Приглашаем возглавить одно из направлений исследовательской деятельности. Завтра я познакомлю вас с будущими коллегами, поверьте, это умнейшие, интеллигентнейшие люди.

– Как Юля? – не сдержался я.

– Чтооо? Какие-то проблемы? – на удивление, она не закипела, не взорвалась агрессией, а засмеялась.

Может быть она лишь провоцирует окружающих своим холодным отношением и резким поведением, прекрасно отдавая себе отчет? Но я был зол на нее. Разыгрывала тут комедию... а кто еще меня обманул? Таня? Аиша Арифовна?

Полковник выжидающе молчал и улыбался, всем видом выражая открытость и честность. Хотя с его благородной внешностью трудно было выглядеть подлым или подозрительным.

Возразить мне было нечего, тем более, другой работы все равно не предвиделось, да и можно ли сейчас помыслить, что я уйду в какой-нибудь НИИ, когда рядом происходят такие вещи?!

Пес залаял.

– Ластик, в чем дело? – обратился к нему хозяин.

Точно, его зовут Ластик!

Следом монофонией, в которой с трудом угадывалась песня Группа Крови, зазвонил телефон. Степан Вениаминович вытащил мобильник-кирпич, словно не из кармана, а прямоком из начала двухтысячных, взглянул на экран, вытянулся и ответил.

– У аппарата... Да... Да... Так точно, товарищ Ге..., – взглянул на меня и осекся. – ... Дмитрий Петрович.

Затем отключил связь. Юля и Ластик смотрели очень напряженно. В глазах девушки заметна усталость, у пса – лишь преданность и готовность служить.

– У нас Пэ один, коллеги. – Опять взгляд на меня. – Инцидент с приоритетом один. Максимальная важность. По коням!

Вмиг преобразившийся бывший полковник ГБ громко стукнул наконечником зонтика об пол, будто мы не знаем, что бывших полковников ГБ не бывает. Ластик тут же подскочил и усиленно закрутил хвостом, почти как пропеллером, словно желая взлететь на помощь хозяину.

– Что случилось? – Юля уже держала в руках шлем, пытаясь что-то выковырять из внутренней оболочки.

– Альт пропал... в Охотнике, он один из главных второстепенных персонажей, – пояснили опять только лишь для меня. – Пропал – от слова совсем. Сюжетная линия блокировалась. Связанные с ним побочные квесты недоступны. Уже начали поступать обращения к разработчикам. Еще немного, и соберется критическая масса. Не может непись исчезнуть из замороженного кода игры.

– Вот ведь..., – Юля выматерилась, а я почему-то посмотрел на Ластика, словно на ребенка, в присутствии которого сказали грубые слова. Вдруг запомнит и в песочнице повторит? Стыда потом не оберешься.

От стресса и недосыпа сознание еще и не такие кренделя выделяет, так что я не сильно удивился собственным мыслям. Ладно, вечер перестает быть томным.

– Евгений Александрович, – очень серьезно обратился ко мне полковник. – Я понимаю, мы не успели обсудить все нюансы нашего будущего сотрудничества, но я рискну предложить вам сопровождать Юлю на задание. Это позволит глубже понять механизмы взаимодействия людей с... игровыми мирами, механизмы выхода. Возникшая проблема хоть и важная, но вовсе не сложная. Игра старая, интереса большого для злоумышленников не представляет.

– Степан Вениаминыч, – взмолилась Юля, проглатывая слюги, – вам хорошо стратегию придумывать, а мне ему шкуру спасти всю дорогу придется! Ну какой из него боец? Хиляк! Ему нянька нужна. И для одной то задание – хрен просышь, как разгрузить, а тут такой гемор в жопе!

Девушка совсем не смущалась моего присутствия, впрочем, я уже привык к особенностям ее характера.

– Холмогорова. – повторил свой недавний фокус полковник: тихое медленное обращение, от которого стынет кровь. И где их такому учат? Станным образом в начальнике ОКИПа совмещалась аристократичная изысканность манер и военная выдержка. Он ловко перекидывался из роли интеллигентного собеседника в начальника-ГБиста и обратно. Интересно, он делает это осознано или здесь имеет место результат невольной мимикрии, закрепленный годами службы. Возможно, десятилетия назад, когда он оказался в структуре, жаргон и осо-

бенности поведения окружающих смущали его воспитанную натуру, но хочешь жить – умеешь вертеться. Я решил при случае расспросить Юлю подробнее о полковнике.

– Ты сейчас же прекратишь жаловаться, – продолжал он. – Приказы и распоряжения непосредственного руководства оспаривать никто не разрешал. Твое беспокойство понятно. Вы пока готовьтесь, а я свяжусь с отделом внедрения, они подберут вам боевых персонажей из резерва. Сможете укладывать неписей одной левой. Кроме того, у Евгения Александровича хорошо развиты социальные навыки... тьфу! совсем язык испохабили своими американизмами... социальные навыки у него развиты хорошо, в отличие от тебя. Это пригодится при общении с местными. Скорее всего, поиски нужно начать с дома жертвы.

– Ладно, – сдалась Юля. – Садись в кресло, готовься. Сейчас я инъекторы перезаряжу только.

У меня не было ощущения, что я принимаю какое-то важное решение, скорее просто наблюдаю за ситуацией со стороны. Вроде бы, я только что чудом избежал гибели, и вот опять лезу в ту же змеиную нору. Хорошо хоть поспать удалось. Однако, присутствие полковника, вовлеченность в дело серьезных силовых структур, любопытство и заинтересованность в новой работе, да и что уж грех таить, нежелание показаться трусом в глазах девушки, все это не оставляло мне выбора.

Тем временем, Юля справилась со своим шлемом – достала из углубления пустую капсулу и заменила ее на новую – и таким же образом приготовила мой. Полковник успел совершить пару звонков, тихо инструктируя кого-то о процедуре предстоящего выхода.

– Евгений Александрович, – отвлекся он от очередного разговора по мобильному, – еще один маленький нюанс, вы позволите? Все выходящие сотрудники имеют кодовые позывные... можно было бы обойтись именами, но такова традиция, если хотите. У РП Холмогоровой, например, все просто и лаконично – Ю. Это не обязательно имя персонажа в игре, это лишь для внутреннего обращения. Как изволите назвать себя?

Вот тебе и вопрос. Я понял его так: что изволите написать на вашей надгробной плите? Настоящее имя, увы, раскрыть мы не сможем. И что же ответить? Никаких устоявшихся никнеймов у меня не было. В молодости меня обзывали Ватой – не годится. С Юли станется добавь Сахарная и тогда привет френд зона на веки вечные. Какой-нибудь Джон? Еще хуже.

– Интеграл! – рубанула Юля, а я почему-то откликнулся.

– Во, видите, работает, – рассмеялась она.

– Почему Интеграл, Холмогорова? – спросил удивленный полковник.

– Во-первых, он математик, а во-вторых, он периодически его вспоминает, когда нервничает. Как ты там говорил? Что за неопределенный интеграл? Вот ботанидзе! – теперь уже она ржала в голос, никого не стеснясь.

Мне стало обидно: интеграл, кроме всего прочего, ассоциировался у меня с сутулым человеком... а я этим грешил, как и все, кто львиную долю времени проводит за столом или компьютером. Но не мог же я признаться в этом. Оставалось мужественно согласиться. Нет, ну подумать только, Жека Интеграл, хоть банду организовывай. И объявление в интернете: «Столкнулись с проблемами? Стандартные подходы не помогают? Решим все ваши задачи, даже со звездочкой. Ваши диффуры* – для нас не помеха. Быстро, дорого, с пояснениями на полях. Жека Интеграл». И пояснение прибавим, чтобы сразу компетенцию показать: «*диффуры – дифференциальные уравнения – [уравнения](#), связывающие значение [производной функции](#) с самой функцией, значениями независимой переменной, числами (параметрами)». Ну или можно коротко и ясно: «Научим ваших детей плохому и математике».

– Мы с Ластиком проследим за вашим выходом, потом уйдем. Ключи у меня есть, – напутствовал нас Степан Вениаминович. – С Богом, ребята.

Юля надела шлем сперва на меня, потом облачилась сама.

– Ну что расселся, не дрейфь, Интеграл! Или как там говорят в Охотнике – шевелись, Мися! – и нажала на кнопку геймпада, сознание привычно мигнуло и вышло...

Глава 5. Шевелись, Мися!

На этот раз мы очутились в городе. Появились в тесном переулке, среди разбросанных бочек и другого мусора, но стоило только завернуть за угол и выйти на улицу – я обомлел. Нет такого уравнения, которым можно было описать мой восторг.

– Ничего себе... – только и смог выдавить я.

– Что за интеграл? – Подколола Юля. – Челюсть подтяни. Город, как город.

– Да ладно тебе! Красотища какая...

– Мило, ага. Пока ночью пьяную компанию студентов не встретишь, ссущих и блюющих дальше, чем видят.

Ярко светило солнце, надо головой – чистое, синее до белизны небо. Лучи света косыми столбами висели в воздухе и, отражаясь от окон и цветных витражей, норовили попасть в глаза прохожим. Те шурились и прикрывались руками, словно отмахиваясь от назойливых насекомых.

Сказочные, аккуратные двух-трехэтажные домики подпирали друг друга, образуя уютные улочки. Красные черепичные крыши переходили одна в другую, образуя ломаную линию городского пейзажа. В клумбах гнездились желтые, красные, синие цветы, с большими и маленькими лепестками, высокие и низкие. Я пожалел, что не разбираюсь в ботанике... или что не художник.

С улиц попросторнее разносились крики продавцов, зазывал, из открытых ставень многочисленных трактиров и кабаков слышался звон бокалов, стук кружек, голоса кутящих горожан. На заднем фоне звучала залихватские мотивы уличных музыкантов.

– Да сюда весь Питер эмигрирует из-за одного только климата, – не сдержал я изумления.

– Что же ты как баба? Увидел солнышко, цветочки и все? Весь Питер сюда эмигрирует и или засрет все за выходные, как Думскую и Дворцовую на праздники, или их перережут в кабаках в первую же ночь. Не обольщайся. Это игра. Здесь все гипертрофировано. И красота, и уродство. Тем более, ты представляешь, что произойдет с сознанием местных персонажей? Я – нет. Их искусственный интеллект близок к нашему, естественному, я же тебе затирала про их самосознание. Так вот, когда они поймут, что не одни во вселенной, что мы – пришельцы из другого, первичного мира – что случится? А если местные маги поднапрягутся и пробьются к нам в реальность? Это очень серьезные проблемы, очень серьезные последствия. Да мы тут мир спасаем! Ежеминутно!

Некоторое время мы пошатались по улицам, несмотря на показное безразличие к окружающему, Юля не спешила заняться делами, а спокойно прогуливалось по мостовым, разглядывая выкладки торговцев, слушая музыкантов, или просто рассматривая заинтересовавшие здание.

Отдел внедрения отлично постарался, из толпы мы не выделялись. На мне была пестрая бело-синяя куртка и черные штаны, перевязанные красными ленточками – усилием воли заглянув в инвентарь, я прочитал: **Гамбезон Сертенского Лучника (Броня 32, +20% сопротивление ударному урону, +20% сопротивление рубящим ударам, +3% сопротивление стихиям), Штаны Кавалериста (Броня 28, +2% сопротивление колющим ударам, +2% сопротивление ударному урону, +6% сопротивление рубящим ударам, +10% сопротивление горению, + 10% регенерация энергии).** Черные перчатки и такие же черные сапоги я не стал рассматривать столь пристально – удобно, не броско и ладно.

Юля была одета, как и в прошлый раз: обтягивающие стройные ноги тканево-кожаные штаны, куртка, слишком откровенно распахнутая на зоне декольте. Она всегда так сексуально выглядела или это специфика преподнесения женских персонажей в игре? За спиной висел все

тот же лук, на поясе – длинный узкий меч в ножнах. Занятно, что лицо Юли выглядело точно так же, как и в реальном мире, не считая прически, значит ли это, что над ее персонажем так поработал дизайнер моделей или же в этот мир автоматически переносились полные копии внешности?

У себя на поясе я тоже обнаружил меч со слегка изогнутым эфесом. Всмотревшись, прочитал: **Отличный меч Долины Драконов (Урон 125-153, +12% дополнительный урон при критическом ударе, +4% дополнительный опыт за смертельный удар по человеку, +2% дополнительное золото)**. Смертельный удар по человеку – фраза резанула сознание. Неужели придется кого-то убивать? Это игра, но внутри все выглядит таким живым и настоящим.

Юля заметила мой интерес к оружию.

– Доспехи, конечно, отстой, но вот пушку тебе классную выписали. Не охотничий меч, конечно, но ведь и ты – не охотник, – сказала чуть с завистью.

– Пушку? Это же меч?!

– И за что мне это? – возвела она очи горе. – Все оружие в играх можно называть пушками, пухами... У твоего еще несколько слотов для рун есть. Почему-то пустые. Пожадничал Шматко.

– Кто-кто? – Вспомнил я героя из затянувшегося сериала про армию.

– Да парень один из отдела внедрения, Ромка Римша. Он отвечает за конфигурацию и комплектацию персонажей, в которых мы выходим.

– А почему Шматко?

– Потому что завхоз, прапорщик, йо-майю!

– Спасибо, запомню. А у тебя как с... пухами дело?

– У меня и с Вини, и с Пухами все нормально, я этому жиду не доверяю. Свою девочку сама конфигурировала и шмот подбирала.

– Юль, а почему жиду, если он Римша? Прибалту, наверное? Ну или хохлу – если исходить из прозвища.

– Да как же ты меня бесишь!!! – крикнула она зачем-то и прибавила шагу.

Когда не живешь с женщиной и не имеешь с ней затяжных отношений, то как-то отвыкаешь от истерик. А может быть я и правда зануда?

Я еле поспевал за Юлей, стараясь не потерять ее из виду, когда мы пробивались сквозь очередную базарную толпу на площади. Продержав таким образом ее фигуру в поле зрения длительное время, я заметил имя, висевшее над головой. Заметил и взорвался хохотом.

– Юля, Юль, стой! Стой, кому говорят!

Девушка резко остановилась, словно врезалась в стену, развернулась на пятках и уже привычным движением схватила меня за плечо. Прохожие деликатно посторонились, не желая участвовать в семейном конфликте (или как мы для них выглядели?).

– Ты что раскомандовался, а? – прошипела она мне в лицо.

А я все не мог унять хохот. Смеялся я и так отчаянно, а когда увидел взбешенное лицо Юли, да под этим ее именем, то меня разобрало по второму разу.

Сколько она могла продержаться ржущего дурака в стальной хватке? Конечно, не долго. Она отпустила меня и заметно занервничала. Гораздо более тихим голосом спросила:

– Ты че ржешь? Что случилось?

– Прости... прости Ю... ля. А кто создает имена персонажей, в которых мы сейчас?

– Шматко и создает. Ну тебе, по крайней мере. Свое имя сама выбирала. Ю.

– А вы со Шматко дружите?

– Дебил что ли? Нафиг он мне сдался? У него крышняк сдвинут в сторону вампиров, демонов и прочей ащцкой хрени. Кто-то рассказывал, будто у него даже когда-то было собственное агентство знакомств для таких же придурков. А сейчас, по старой памяти, все пыта-

ется свести нашего главбуха с электриком. Но одна – интеллигентная стареющая девственница, какающая стихами Пушкина, а второй водку даже в суп подливает. Почему Шматко к ним привязался – не ясно, но уже несколько лет не оставляет попытки.

– Мне кажется, – едва сдерживаясь пытался сказать я, – он к тебе равнодушен.

Наконец, до нее дошло. Она заглянула куда-то в характеристики персонажа и... и Ластику совсем бы не понравилось то, что несколько минуты извергала из себя Юля или, согласно надписи над ее головой – Бля.

– Долбаный сопляк! Я ему такую Бля устрою. Я ему фамилию официально поменяю, и имя... и отчество. И новый паспорт на день рождения подарю. Был Роман Батькович Римша, а станет Ядебил Ядебилевич Ядебилев.

– Может быть он не со зла. Вдруг он просто опечалался. Клавиши ведь близко расположены.

– Значит он рукожопый! И гнать его надо в страну рукожопию. Чтобы он так в своих банковских переводах опечатывался! Да я его анкету на сайте гей-знакомств размещу, нет, на сайте интимных гей знакомств! Или лучше клофелином напою и закину в мир Fallout в образе проститутки-наркоманки. Или деда девяностолетнего. Будет у меня там всю оставшуюся жизнь дохлыми крысами питаться.

Мне уже стало не по себе. Смех ушел, а Юлина агония только набирала силу. Не знаю, специально ли Шматко подшутил или действительно опечалался, но если первое – то инстинкта самосохранения у него явно нет.

Пришлось крепко задуматься, как успокоить напарницу. Кажется, она сердилась на весь мир, пару раз даже прилетело по шапке, в прямом смысле слова, проходим. Все как один, поправивши головной убор, и оценив имеющееся при нас оружие, ссору решили не затевать.

В голову ничего не приходило. Мой пыльный опыт домашних ссор подсказывал, что лучше всего просто оставить женщину выкипеть, занявшись своими делами. Но сейчас это было невозможно. Что же еще придумало человечество для успокоения нервов? Валерьянка, пустырник? Я огляделся в поисках аптеки... ну да, не сразу сообразил, что здесь их быть не может. Значит, следовало искать травницу, а у нее – валерьяну. А это что вообще, корень? Нет – диагноз. А потом его дать погрызть Бле? Да она мне его запихает в...

Вдруг надрывным пьяным мужским голосом кто-то затянул песню. Я не мог разобрать все слова, но пели они о долгом пути, разлуке, битвах, шрамах, фиалковых глазах возлюбленной и волнующих изгибах тела, к которым так стремился лирический герой стихов.

Ну удивление, пьяная компания сорвала аплодисменты, даже Юля прервалась и дослушала до конца.

– Это песня Элеаноры, подруги, коллеги, возлюбленной Альта, – сказала она.

Наконец, я вспомнил, что нужно делать в таких ситуациях! Желая закрепить ее только что вернувшееся спокойствие, быстро предложил:

– Пойдем может быть в таверну? Выпьем, обсудим план действий?

Несколько секунд Юля сомневалась. Затем махнула рукой.

– Некогда пить, да и мы на работе. Пошли к дому Альта, по дороге все расскажу.

Я даже обрадовался. В прошлый раз местное вино мне категорически не понравилось. Кто знает, чем потчуют в местном общепите. И вот мы снова зашагали по заросшим домами улицам.

И вдруг!

– Брр... стой, Мися, не так шустро! – раздался голос за нашей спиной, и я разобрал цоканье копыт по брусчатке.

Юля отреагировала молниеносно. Ловко развернулась, будто заинтересовалась каким-то товаром на прилавке, схватила меня за руку и увлекла за собой.

– Замри! – шепнула мне. – Не оборачивайся, не оглядывайся! Молчи!

Стук лошадиных копыт приблизился, вот уже всадник оказался прямо за нашими спинами, с головы до ног меня пронзила тревога и ужас, как Фродо от назгулов.

– Шевелись, Мися! – снова раздалась команда, и лошадь быстро унесла хозяина вперед.

– Бежим! – а мной, в свою очередь, продолжала командовать Юля. – Надо не упустить его из виду.

– Кто это?

– Охотник, главный герой. Вероятно, он ищет Альта.

Мы бежали, продираясь сквозь толпу – у них что, выходной, почему так многолюдно на улицах? Охотник, конечно, не несся галопом, но лошадь, словно волнорез, одним своим видом заставляла прохожих расступаться заранее, поэтому поспевать за ней было сложно. Почему он вообще на лошади? Кроме него, я не заметил в городе других всадников.

– Где он? Потеряли! Ты видишь? – запыхавшись спрашивала Юля.

– Он свернул в тот двор, кажется. Вон, где вывеска какая-то болтается.

– Это корчма. Пошли за ним.

Действительно, у дома мы нашли привязанную к стойлу Мисю, она лениво отмахивалась хвостом от мух, которые в огромном количестве кружили вокруг привязанной к седлу... головы какого-то чудовища.

– Когда войдем – не суетись. Сядем за столик, закажем пива. Будем наблюдать и слушать. На охотника не пялься, пальцем не показывай. Включай голову, короче.

Внутри было темно и смрадно: воняло мокрыми тряпками, прокисшим пивом, мочой. Из открытых окон свет не пробивался вглубь, поэтому на большинстве столов горели свечи, где-то стену коптил факел. Было многолюдно, выбирать где сесть не пришлось, Юля указала не единственное подходящее свободное место: за длинным столом, рассчитанным на компанию, повиснув головой на руках, спал какой-то мужик. Мы подсели к нему, заняв противоположный конец лавки.

– А кто, собственно? – окончание вопроса я попытался выразить мимикой, но судя по Юлиному лицу – получалось плохо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.